

Надежда Первухина

От ведьмы слышу!

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Надежда Первухина
От ведьмы слышу!
Серия «Имя для ведьмы», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120766
От ведьмы слышу!: Роман: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1341-6

Аннотация

Что делать, если подросшие дочери влюбились в одного и того же... вампира?! И при этом одна из дочек оказалась скороспелой и весьма способной ведьмой (гены сказались). Как быть, если десятилетний тихоня-сыночек вдруг решил заделаться капитаном «Летучего Голландца» и отправиться на легендарном корабле в кругосветку?! А отцу семейства некогда решать проблемы своих детей, поскольку он писатель с мировым именем. Авдей Белинский.

Не сомневайтесь, эти и прочие вопросы педагогики, вампирологии, ведьмографии и современного расклада сил на плацдарме очередной битвы Добра и Зла вполне по плечу ведьме Викке. Она разберется! Как сумеет...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Надежда Первухина

От ведьмы слышу!

– Если мне не посвятишь – принесу домой вирус.

Сергей Первухин, программист

– Согласна. Приноси, дорогой, в хозяйстве все пригодится.

Послушные девочки попадают в рай, а непослушные – куда захотят сами.

Английская пословица¹

Давно замечено, что самые большие неприятности начинаются с мелочей. Совершенно ничтожных, вроде перегоревшей лампочки в подъезде, упавших в канализационный люк ключей от квартиры или намертво не желающей расстегиваться брючной молнии... Или, как в данном случае, с губной помады.

Цвет помады был экстремальным. Густо-синий перламутр с каким-то жутким малиновым отблеском. Такая помада может использоваться в качестве стратегического наступательного вооружения на неподготовленную мужскую психику и привести к катастрофическим последствиям вроде заикания, энуреза и ретроградной амнезии. И именно такую помаду приобрела себе в бутике на сэкономленные от школьных завтраков деньги Марья Белинская. И именно Марья Белинская сидела сейчас в гостиной перед зеркалом и с наслаждением покрывала свои нежные губки этим ужасом.

– Супер, – резюмировала она, закончив процедуру, и полюбовалась своими губами, повертев зеркало так и этак.

– Напоминает раздавленную гнилую сливу, – выдала свою оценку новой помады Дарья Белинская, сестра-близнец вышеупомянутой Марьи.

– Что б ты понимала! – вскинулась Марья. – Таранка сушеная! Завянь и скисни!

– Я только констатирую, что эта помада – полнейшая безвкусица, – пожалала плечами Дарья и перелистнула страницу изучаемого ею трактата Кьеркегора «Страх и трепет».

На пять, нет, на четыре с половиной минуты между сестрами воцарилась относительно мирная тишина. И за это короткое время надо постараться успеть охарактеризовать каждую из них.

Марья Белинская. Возраст – пятнадцать с половиной лет. Характер – термоядерный. Темперамент – кайенский перец в смеси с селитрой. Внешность – просто милашка, если смыть всю косметику и вылечить три прыща на лбу. Увлечения – танцпол, мальчишки, старый добрый хардрок. Заветная мечта – сделать пирсинг языка и татуировку (в виде спаривающихся змей) на левой ягодице.

Дарья Белинская. Возраст – тот же, с той только поправкой, что Дарья родилась на две с четвертью минуты раньше своей сестрицы. Характер – спокойный, как отключенный синхрофазотрон. Темперамент – клубника со льдом, причем льда больше. Внешность – вылитая Машка, только без косметики и прыщей. Увлечения – экзистенциальная философия, эстетика постимпрессионизма, поздний Верди и ранний Берлиоз. Заветная мечта – стать постоянным автором одной из научных рубрик журнала «Наука и религия», выучить старофранцузский и приобрести прижизненное издание собрания сочинений Фридриха Ницше.

И только в одном эти девушки схожи, как две половинки разрезанного арбуза (имеется в виду *правильно* разрезанный арбуз!): в их взрослеющем сознании вызрел, как фурункул, и грозил прорывом мощный бунт против образа жизни и морали родителей, коими являются

Авдей Белинский – писатель с мировым именем и Викка Белинская, ведьма. Просто ведьма. С Именем.

...Марья добавила к помаде еще и блеска для губ с голографическим эффектом, отчего по стенам метнулись разноцветные отблески. Натянула джинсовую юбку с живописно обтрепанным подолом (за «обтрепанность» – специальная наценка 25 процентов) и черный топик, прозрачно намекавший на всякое отсутствие бюстгалтера, только портившего юную грудь.

– И куда ты намылилась в таком стремном прикиде? – оторвалась от обожаемого Кьеркегора Дарья. В ее голосе звучала ирония, которая смутила бы кого угодно. Только не сестру.

– На тусовку в «Коленвал». – Марья принялась застегивать босоножки-платформы.

– Ну ты с дуба рухнула! – В общении с интеллектуально недоразвитой сестрицей надменная Дарья предпочитала переходить на общеупотребительный сленг. – На часах – одиннадцать вечера, какие, на фиг, тусовки?! Предки приедут – они тебе хаер оторвут.

– А они узнают? – в том же тоне ответствовала Марья. – Если только ты попробуешь меня заложить... Хана тогда твоему Канту. И кассетам с этим голимым Рахманиновым!

– Тупая ты. Когда я тебя закладывала? У тебя в голове мозги есть или как? Тебя пришибут или оттрахают на этой тусовке; в «Коленвале» один отстой собирается, skins и наркота!

– Много ты знаешь... – протянула Машка, но прежней уверенности в ее голосе не было. Дело в том, что танцевать в «Коленвал» она шла впервые. Причем в одиночку. А так как она все-таки была девочкой из приличной семьи, то истории об изнасилованиях на танцполах, о наркоманах-маньяках, о скинхедшах, которые разделяют на фарш всякую непохожую на них девчонку, ее пугали. Но разве она признается в своих страхах сестре! Этой бледной зануде с книжками!

Тем более что выдалась такая возможность: целых две недели пожить в свое удовольствие – без школы, родителей и младшего братца! Семейство укатило в солнечную Одессу, где со стапелей спускали на воду новый теплоход «Авдей Белинский». Банкеты, приветы, экскурсии – скукотища, одним словом. Мать, конечно, противилась тому, что дочери остаются без присмотра. Но бабушка Таня второй месяц лечила от ревматизма своего мужа в Гималаях и потому приехать никак не могла.

Словом, судьба была на стороне Марьи Белинской. Судьба привела ее во второсортный дансинг-клуб «Коленвал» в роковую пятницу тринадцатого мая. Душной, липкой от наступающей на Москву жары была та пятница. Но погода тут ни при чем. Когда судьба вершит с человеком свое черное дело, погода предпочитает не вмешиваться.

Итак, в начале двенадцатого вечера Марья Белинская, окончательно поругавшись с сестрой и распулав своим потрясающим видом припозднившихся на скамейках у подъезда старушек, отправилась в «Коленвал», сверкающий неоновыми огнями кварталах в трех от квартиры Белинских. Вечерняя майская Москва была напрочь лишена романтики. Пахло не сиренью, а перегретым асфальтом и прокисшим пивом. Вместо соловьев в чахлах кустарнике орали пьяницы и их озлобленные горькой судьбой жены. Но Марья не обращала на это внимания. Она шла потанцевать. Поколбаситься. Потусоваться. И еще мечтала о том, что новая помада будет по достоинству оценена окружающими.

По случаю жары танцы устроили на широкой веранде «Коленвала». Там же, вдоль стены, стояли пластиковыми мухоморами столики с зонтиками, у которых притомившийся от танцев народ утешался пивом и дешевыми коктейлями. Со стороны туалетов явственно тянуло анашой.

Едва синегубая Марья вошла, чуть виляя бедрами, на веранду, диджей как раз поставил суперхит сезона, под который сразу хотелось оторваться по полной программе. Народ завизжал, задержался в бешеном ритме, и этот же ритм втянул Машу, как жерло пылесоса упавшую на ковер пушинку.

...В возрасте шести лет Марью попытались отдать в балетную школу. Мама Вика очень хотела узреть дочку в костюме Жизели либо феи Драже. Но дочка не оправдала маминих тщеславных чаяний. Она посетила одно-единственное занятие и так убедительно инсценировала жестокое растяжение связок на ноге, что родителям пришлось смириться с тем, что их дочери никогда не удастся танцевать.

Родителям свойственно ошибаться. Если бы в данную минуту они сунули свои любопытные носы на трясущуюся от топота сотен ног веранду «Коленвала», то вряд ли бы узнали в извивающейся, как змейка, кружащейся, словно взъярившийся вентилятор, полуодетой девице свою милую и относительно скромную дочь.

Марья самозабвенно танцевала, не замечая ничего и никого вокруг, ее синяя помада горела, как семафор, топик вымок от пота, тушь не выдержала напряженного ритма и поехала с ресниц подальше на щеки...

– Отвязная метелка, – сказал один плечистый и крепкий парнишка другому, тоже плечистому и крепкому, указывая на Марью банкой с «Красным быком».

– Фуфло, – оценил тот.

– Не скажи. Ноги какие, прикинь.

Собеседник хлебнул водки с томатным соком и равнодушно сказал:

– Лады. Первым трахаеть ты.

В этот момент начался медляк, то есть медленный танец, в течение которого полагалось томно повиснуть на имеющемся у тебя кавалере и позволить его рукам залезть под твою майку.

У Марьи кавалера не было (что ее безумно огорчало), и она отошла к краю веранды – отдышаться и сделать вид, что ей аб-со-лют-но безразличны медленные танцы со всякими обнимашками и поцелуйчиками...

– Извините... Можно вас пригласить?

Марья глянула на подошедшего к ней кавалера и внутренне скривилась. Какой-то малолетка! Физиономия круглая, как блин, уши торчат, очки в пол-лица да еще веснушки. Худой и какой-то чересчур сутулый, как горбун. Полный отстой, одним словом.

«Вот невезуха! – подумала Марья, окидывая взглядом отдыхающей пантеры столики. – Почему все нормальные пацаны сидят и глушат пиво! Вон те, двое, пригласили бы, там хоть есть на что посмотреть. А этот отморозок...»

Марья неслышно вздохнула и пошла танцевать с отморозком. Кстати, для отморозка он танцевал просто отлично, и Марья даже подумала, что, не будь он так похож лицом на обьевшего сурка, можно было б закрутить с ним романчик. Но вообще такие мальчишки не во вкусе Марьи.

– Извините... – Наверное, с этого слова вежливый, затюканный мамой-папой мальчик только и мог начинать разговор. – Мне кажется, что вам не идет эта помада, Маша.

Марья (девочка, которой никто, даже мама-ведьма, не смел делать замечаний, дабы не подвергать опасности собственную жизнь!) от изумления чуть не слетела со своих высоченных босоножек. Но этот очкарик довольно крепко держал ее за талию. И не подумаешь, что у такого тщедушного тельца есть еще и мышцы... Марья хотела ответить мальчишке фразой, которая поставила бы его на место, но почему-то все выражения, используемые современными девушками в подобных случаях, вылетели у нее из головы...

И в пылу гнева Маша совершенно не заметила того, что незнакомый мальчик откуда-то знает ее имя.

Танец закончился, и Марья, почти оттолкнув своего кавалера, зашагала прочь с веранды. У нее вдруг пропало всякое настроение веселиться и вообще колбаситься. Странная тоска стремительно заполняла ее душу, как морской прилив – песчаную отмель.

– Погодите... – услышала Марья умоляющий голос, но принципиально не обернулась. Вот еще. Сначала пусть этот сопляк научится разбираться в губной помаде, а уж потом пристает к симпатичным девушкам!

Разгневанные девушки крайне ненаблюдательны. Иначе Марья обязательно бы заметила, что следом за ней двинулись двое плечистых и крепких парней с лицами выразительными, как рулон туалетной бумаги. На неширокой, плохо освещенной аллейке, удалявшейся от жилых кварталов, парни как-то очень быстро поравнялись с Машей и синхронно схватили ее под голые локотки.

– Привет, кисуля, – ласково пропел парнишка слева.

– Ух ты, какая попка! – незамедлительно перешел к оценке тактильных ощущений парнишка справа.

Машу забила дрожь – от отвращения, страха и понимания, что в этой чертовой аллее она оказалась с двумя недвусмысленно настроенными типами абсолютно беззащитной. Она ведь даже газовый баллончик с собой не взяла!

...Да и как бы она смогла его достать, если эти маньяки как клещами держат ее покрывшиеся мурашками руки?!

– Отвалите! – прошипела Машка, дергаясь в их цепких объятиях. – Не трогайте меня-а-а!

Все-таки кое-какие уроки самообороны она знала. Но плохо помнила. Поэтому ее неловкие удары в живот одного из противников не принесли должного эффекта.

– Ах ты, сучка, – задумчиво сказал тот и сшиб Машу с ног мощной затрещиной. – Лежать! – Еще один пинок. – Я ж тебя за это всю вдоль и поперек отымею, шмара!

– Ты обещал, что я первый, – недовольно буркнул его приятель и, склонившись над Машей, рванул податливую ткань топики.

И тут Маша окончательно поняла, что с ней сейчас случится то самое, о чем пишут в газетах и кричат по телевизору. О чем шепчутся девчонки на школьных переменах и сурово-грозно читают лекции гинекологи. И Маше этого самого совершенно не хочется! Тем более – с этими подонками!!!

Она истошно завизжала, принялась брыкаться и царапаться, каким-то краем сознания отмечая, что усилия ее пропадают даром, что этот тип опять ее бьет, а другой уже стаскивает с нее трусики...

– Я вам не помешаю? – раздался над увлечшимися терзанием Маши парнями голос.

Это был такой голос, от которого затылок словно прокалывало холодной иглой. Негромкий, спокойный и даже слегка извиняющийся голос. Но от обладателя такого голоса почему-то хотелось бежать без оглядки.

Парни перестали расстегивать ширинки и обернулись, чтобы увидеть того, кто прервал их увлекательное занятие. Да и Маша, уже мысленно попрощавшаяся со своей невинностью и приготовившаяся к самому худшему, воспрянула духом, кое-как встала на ноги и попыталась одернуть юбку...

И увидела, что напротив ее мучителей стоит тот, давешний малосимпатичный круглолицый мальчишка в очках и с горбом за плечами.

Ну много ли от такого толку?!

Какой из него защитник?!

Он наверняка никогда не дрался и до сих пор памперс носит!

Видимо, крутые крепкие парни именно так и подумали.

– Вали отсюда, щенок, – процедил сквозь зубы один из них.

– А то мы и тебя девочкой сделаем, – пообещал другой.

И они хотели было продолжить расстегивание ширинок...

И тут странный мальчик снял очки и широко улыбнулся. В ослепительном свете, исходящем от его прозрачных как льдинки глаз, засверкали длинные, острые клыки.

– Вы дурно себя ведете, люди. И в вас слишком много дурной крови. Я могу забрать ее у вас.

Марья увидела, что насильники под взглядом мальчишки застыли, как восковые фигуры. Или как... Как ледяные. Мальчик подошел к одному из парней и легко, небрежно толкнул его в грудь ладонью. Тот, не меняя окаменелой позы, упал на асфальт...

И со стеклянным звоном разлетелся на куски.

– Кажется, ты хотел быть первым, – скалясь, сказал мальчик бранным останкам, разбрызганным по асфальту.

Маша двумя ладошками изо всех сил зажала себе рот, чтобы не завопить от ужаса. Ей хотелось бежать от страшного места, но ноги отказывались слушаться.

Взгляд льдистых глаз остановился на ней.

– Маша, хотите, я сделаю то же самое и со вторым? – почти пропел мальчик. – Он бил вас. Испортил вашу одежду. Пытался лишить вас девической чести. Он гнусный негодяй и недостойн вести жизнь человека.

Маша вдруг обрела способность говорить.

– Нет! – закричала она жалким шепотом. – Пожалуйста, не надо. Это, это... слишком ужасно. Пусть лучше его заберут в милицию и судят...

– Его не заберут. Он сын влиятельных родителей, и все его беззакония сходят ему с рук. Если оставить его в живых, он сломает жизнь еще какой-нибудь девушке. И не одной. В нем слишком много дурной крови. Он окончательно испорченный человек.

– Но какое ты имеешь право судить об этом? У тебя что, есть право убивать?

– Да, есть, – спокойно ответил мальчик, и клыки его снова сверкнули. – Потому что я вампир.

И он толкнул второго парня.

Зазвенело и захрустело.

Маша зажмурила глаза и сказала себе, что она сошла с ума и все это происходит не с ней. Она вдруг ощутила, что духота майской ночи сменилась пронизывающим все тело холодом, от которого невозможно было спрятаться.

Что-то похожее на холодное полотенце коснулось ее голого плеча. Маша вздрогнула и открыла глаза. Вампир стоял рядом с ней и протягивал ей руку.

– Идемте, Маша, – просто сказал он. – Я провожу вас до дому.

Маша молча повиновалась. Ужас сновал по ее сознанию как курсор по иконкам зависшей Windows.

– А почему ты не убил меня? – осмелилась она спросить своего спутника, когда страшная аллея осталась позади и начались жилые дома, скупо освещенные фонарями.

– А почему я должен вас убивать? – вопросом на вопрос ответил вампир. Впрочем, сейчас он уже не выглядел вампиром. Глаза за толстыми стеклами очков смотрели совершенно человеческим взглядом. И клыков видно не было. – Вы боитесь меня, Маша. Я ощущаю ауру вашего страха, но поверьте... Вам совершенно не следует меня бояться. Я не причиню вам ничего плохого.

– Между прочим, моя мама – ведьма, – ни с того ни с сего ляпнула Маша (вообще-то в приятельских кругах она предпочитала не распространяться о странностях своей родительницы. Но тут будто черт за язык дернул).

– Я знаю, – кивнул юный вампир. – Я знаю всю вашу семью.

Тут Марью осенило.

– Ты что, из маминых знакомых? – покривив губы, спросила она.

– Нет, нет. – Парнишка хотел было улыбнуться, но раздумал. Видимо, вспомнил, что его улыбка не произведет на девушку должного эффекта. – Но я... слышан.

Марью все осеняло и осеняло:

– Я поняла! Ты следила за мной на дискотеке! Тебя мать наняла в качестве моего охранника, да?!

– Ничего подобного.

– Врешь.

– Вампиры никогда не лгут, – с достоинством, не подходящим столь тщедушному телу и сублильной внешности, ответил вампир. – И никогда не становятся телохранителями. Это не в наших традициях...

– Ну конечно! – Машку понесло. Сказывался шок от пережитых событий. – В ваших традициях пить кровь, убивать людей и спать в гробах! И у вас изо рта всегда воняет! Когда к маме в гости приходили вампиры, меня просто тошнило от этой вони!

Мальчик смутился.

– Разве от меня... пахнет?

Марья была девицей вредной, но объективной. Поэтому она несколько раз втянула носом воздух вокруг своего спутника и вынуждена была признать, что ничем, кроме мятных лепешек, от вампира не пахнет.

– Ужасно люблю все мятное, – признался вампир. – Вот, кстати, «Крещендо». Хотите?

Марья не отказалась. Мятная прохлада успокоила ее и прояснила мозги. И она почувствовала, что ей уже не так страшно общаться с этим вампиром. Даже, наоборот, интересно. Недаром же говорится, что свежее дыхание облегчает понимание.

– И как ты стал вампиром? – поинтересовалась ведьмина дочка. Как-никак, а любопытство – доминирующая черта женского характера. И потом... Когда еще выдастся такое романтическое приключение: полночная Москва, пустые улицы, шелест отцветающей черемухи, а рядом идет настоящий вампир, спасший твою честь от гнусных насильников... Правда, вспомнив об участии, постигшей насильников, Маша снова вздрогнула.

– ...Стал вампиром, – повторил юноша окончание Машиной фразы. – Обычно. Меня посвятил отец, он тоже вампир.

– А мать?

– Мама умерла, когда рожала меня. Она была обычным человеком. Они с отцом очень любили друг друга... Отец очень страдал оттого, что не успел инициировать маму, пока она была жива. Поэтому, когда мне исполнилось шестнадцать, он сделал вампиром меня. Чтобы я всегда был с ним в его бессмертии.

– А тебе давно исполнилось шестнадцать? – Машка решила подсчитать, на сколько месяцев старше ее этот новый знакомый. Но ответ поверг девочку в благоговейный ужас.

– Сто восемьдесят четыре года назад, – ответил круглолицый веснушчатый парнишка, и глаза его на миг блеснули неживым светом.

– Ужас какой, – прошептала Маша.

– Я вас пугаю, Мари? – грустно спросил вампир. – Я вам так неприятен?

Маша смутилась.

– Да ничего подобного! – соврала она. – Моему дедушке, магу, тоже несколько сот лет. Мы даже со счета сбились и в поздравительных открытках ко дню рождения не указываем его возраст... Ой! А мы уже пришли. Вон окна нашей квартиры.

Вампир взглянул вверх, потом перевел взгляд на Машу:

– Я запомню.

– Сестра меня увидит в таком виде, будет скандалить, – смущенно сказала Маша. Ей впервые за весь вечер вдруг показалось, что вид у нее действительно неважнецкий. Особенно если учесть разорванный топик, который приходилось прижимать к груди ладонью,

чтобы он не расползся окончательно, и отсутствие под юбкой важной детали дамского белья. И макияж, наверное, превратился в непотребное месиво. А под глазом точно будет синяк, и еще какой...

– Вы очень красивая, Маша, – тихо сказал вампир. – Но помада эта вам действительно не идет.

Машка засмеялась:

– Ладно. Я ее тогда подруге какой-нибудь подарю. Мне...

– ...пора? Да, я не смею вас задерживать, Маша. Вам нужно отдохнуть, привести себя в порядок...

– Ты разговариваешь прямо как какой-нибудь граф.

– Но вы...

– Можешь обращаться ко мне на «ты», – свеликодущничала Марья Белинская. – Ну все. Спокойной ночи.

– Да, – кивнул вампир. – Я, пожалуй, полечу...

Он неожиданно взял Машкину выпачканную в земле и тональном креме руку и поцеловал ее. Ведьмина дочка даже не успела ничего на это ответить. Вампир резко развернулся к ней спиной, отошел на пару шагов, и Машка увидела, как горб на его спине превратился в тонкие темные крылья с заостренными концами.

Вампир взмыл в небо и слился с темнотой, будто его вообще и не было. Машка отчего-то вздохнула и вошла в подъезд.

Уже отпирая дверь своей квартиры, она подумала о том, что не спросила, как его зовут.

– Ну и ладно, – проворчала Марья, сердясь на самое себя. – Все равно мы больше не встретимся!

Порыв ветра с легким ароматом мяты коснулся ее щеки.

– Меня зовут Роман, – прошептал ветер. – И мы еще встретимся.

* * *

– Это просто невыносимо!

Я включила настольный вентилятор и обессиленно рухнула в кресло. Вентилятор, жужжа, как перегруженный пылью шмель, принялся обдувать мое измученное тело горячим воздухом. Я взвизгнула от обиды, щелчком пальцев превратила вентилятор в китайский бумажный веер и принялась интенсивно им обмахиваться.

– За исчезновение казенного вентилятора с нас последние гривны стрясут, – посмеиваясь в усы, сказал мой муж, наблюдая за тем, как я пытаюсь спастись от утомительной и навязчивой жары.

– Пусть включают в счет, – отмахнулась веером я. – Не могли подыскать знаменитому писателю номер в более приличной гостинице! С кондиционером!

– Мне предлагали номер в готеле «Червоний», я отказался, – невозмутимо заявил Авдей.

– Это гостиница «Красная», что ли? Где обнаженная дамочка стоит на балконе с протянутой рукой и приветствует всех мимопроходящих?!

– Да. Я подумал, что ты сочтешь это дурным тоном...

– Дурной тон – забыть о том, что собственная жена не переносит жару! Даже в этом прекрасном городе!

Физиономия мужа источала какое-то дерибасовское ехидство.

– Я подумал о том, что раз моя жена – могущественная ведьма, то уж об оптимальном климате она легко позаботится.

Я расхохоталась и сменила гнев на милость.

– Предлагаешь мне согнать над Одессой-мамой тучи и устроить субтропический ливень?

– Хотя бы...

– Нет уж, уволь. Тут такая роза ветров сложная, из-за атмосферного дисбаланса можно устроить не дождь, а девятибалльный шторм. А наше чадо из моря не вылезит. Скоро буду звать его не Ярославом, а Ихтиандром.

– Ихтиандр Авдеевич... Звучит, – оценил муж, скрываясь в ванной. Вскоре оттуда донесся такой плеск и шум, будто дюжина морских котиков решила заняться синхронным плаванием.

Покуда мой благоверный наслаждается водными процедурами, введу вас в курс дела. Итак, я, Вика Белинская, природная ведьма, мой супруг, Авдей Белинский, модный писатель (и, несмотря на пробивающуюся лысину, все еще эффектный мужчина) и наш десятилетний наследник, нареченный Ярославом, в просторечии же именуемый то Яськой, то Славкой, вот уже неделю как отдыхаем в известном на весь мир своим гостеприимством белокаменном городе у самого Черного моря. Хотя «отдыхаем» – не совсем верно. Во-первых, украинские собраты по перу пригласили мужа на вручение очередной литературной премии. Во-вторых, в Одессе состоялась первая интерактивная конференция любителей иронической фантастики под девизом «Сколько можно о ведьмах?», и Авдей просто обязан был принять в ней непосредственное участие. А самое главное и замечательное то, что Черноморское пароходство пригласило мужа на торжество по случаю спуска на воду нового теплохода «Авдей Белинский». Когда твоим именем прижизненно называют теплоход, это, конечно, возвышает. Авдей с тех пор, как получил об этом известие, ходит гордым именинником. Периодически натываясь на острые копы моей иронии. Но это я от легонькой зависти. Вот моим именем хоть бы сухогруз какой-нибудь назвали! Танкер. Или, на худой конец, шаланду, полную кефали. Чем я хуже своего мужа?!

На самом деле мирская слава меня мало волнует. Авдею приятны внимание и почет, так ведь они и заслужены: за те шестнадцать лет, что мы живем вместе, он написал массу великолепных романов, которые не исчезают из списка российских бестселлеров, создал собственное литературное агентство, учредил журнал для любителей фэнтези и завел массу сайтов в Интернете. Конечно, он не догадывается, что стимулятором его бурной общественной и творческой деятельности отчасти является изготавливаемая мною наговорная настойка, которую я добавляю супругу в утренний кофе и вечерний чай. И он не знает о том, что заговоры, регулярно произносимые мною же над спящим супругом в каждое полнолуние, оберегают его от гриппа, гепатита, диареи, перхоти, депрессии, запоев, любовниц и враждебно настроенных критиков. Стараюсь, как могу, на то я и жена. И ведьма.

– Вика! – зовет меня из ванной муж. – Ты что там затихла? Иди-ка лучше ко мне. Я тебе спинку потру, пока Славка не вернулся...

(Дополнительным эффектом моих заговоров является неослабевающее желание супруга любоваться прекрасным телом жены. Ну и не только любоваться.)

Где-то через часок мы покинули-таки ванную. Но не потому, что на большее нас не хватило, а потому что воду отключили.

– Это издевательство! – заявила я, вытряхивая из ушей остатки мыльной пены.

– Это одесский юмор. Не расстраивайся. Вечерком пойдем на Лузановку, поплещемся.

– Ладно. Кстати, который час? Святая Вальпурга! Я же Славке русским литературным языком сказала: быть в номере не позже половины третьего! Наверняка его на бульвар занесло!

– Ну и что? Пусть поскачет, порезвится, пересчитает попкой все ступеньки на Потемкинской лестнице. Успокойся. Дай парню вольным одесским воздухом подышать.

– Я-то успокоюсь. А если он влезет на какой-нибудь бесценный исторический памятник? Или рванет в порт – проситься «кораблик поглядеть»?

– У пацана морская душа. Он у нас будет романтиком.

– Из него вырастет пират.

– Нормально. Будет обеспечивать нашу с тобой спокойную старость. Потому что от дочерей мы этого вряд ли дождемся.

Тут мы оба погрузнели и завздохали. Наши милые дочки, кровиночки, смирные и ласковые близняшки за последний год превратились просто в моральных монстров. Не будь я ведьмой, подумала бы, что кто-то наслал на них порчу. Но порча тут ни при чем. Виноват переходный возраст. Я в пятнадцать лет тоже мнила себя носительницей мировой истины и считала непрошибаемыми тупицами всех тех, кто осмеливался критиковать мои ажурные колготки с люрексом и клипсы из маленьких подшипников...

Одна радость – сын пока растет спокойным послушным мальчиком и не бунтует против папы с мамой. Правда, месяца три назад он пришел домой и заявил, что записался в кружок «Юный судомоделист». Пришлось купить ему учебник по парусному моделированию, банку с клеем и толстый справочник «Мировые корабли».

– Авдей, я волнуюсь.

– Я вижу. Смени цвет глаз, фиолетовый не идет к салатовому халату.

– Он давно должен быть в гостинице. Чертенки! Вот где его искать?!

Я подняла трубку внутреннего гостиничного телефона:

– Дежурный? Скажите, пожалуйста, в котором часу из номера четыреста пятьдесят шесть вышел мальчик, Ярослав Белинский? На нем такие шортики зелененькие...

– Не розумию... – нахально пропела трубка.

– Десять баксов.

– Не...

– Двадцать.

– Ах, хлопчик! Так вин пийшов до Привозу!

– Давно?

– А то. Трошки розвиднелось... Як вы с чоловіком отьихали, так вин и побежав...

– Понятно. – Я отчаянными глазами смотрела на мужа. Потом взяла себя в руки и отчеканила в трубку: – Деньги получите вместе с ключами.

– Вика, оставь в покое несчастный телефон. Ты его уже в гармошку смяла, – жалобно попросил Авдей.

Я отшвырнула злосчастный телефонный аппарат и принялась торопливо одеваться, чтобы бежать и спасти сына.

– Ты понимаешь, что его нет уже почти целый день! – закричала я. – Зачем он пошел на этот базар?! Сувениры покупать? А если его похитили?!

– Похищения – твоя навязчивая идея... – пробормотал Авдей.

– Иронизируешь? Это же твой сын!!!

Я готова была превратиться в дракона и облететь весь этот распрекрасный город в поисках ненаглядного чада. Чтобы потом хорошенько ему всыпать!

Авдей, кажется, тоже принялся волноваться. Но виду не подал.

– Ждем еще час, – сказал он. – Потом идем в милицию.

Мы прождали два часа.

Но в милицию не пошли.

– Милиция нам поможет, как пейджер утопленнику! – заявила я, тщетно пытаясь успокоиться и сосредоточиться. – Менты сейчас не людей ищут, а в кино снимаются и романы пишут! Сама буду искать. Где мой кристалл магический?

Муж скоренько полез под кровать, вытянул баул и, порывшись в нем, извлек завернутый в бархатную тряпицу кристалл. Я взяла его, водрузила на стол.

– Задерни шторы, – приказала мужу, и тот беспрекословно повиновался. Потому как знал, что в такие моменты лучше исполнять мои указания.

– Самоблагословиться не забудь, – только и сказал мне он.

– Некогда! – отмахнулась я. – Я не ритуальные танцы устраиваю, а сына ищу.

Поясняю для тех, кто не в курсе: самоблагословение с недавних пор стало просто навязчивой идеей в среде практикующих ведьм. С этого набора эффектных, но по сути пустых фраз начинали любой шабаш, обряд или оргию. Это, мол, для того, чтобы ведьма почувствовала себя сопричастной стихиям и царящей над временем и пространством. Глупости. Настоящая магия в этом не нуждается.

Муж скромно уселся в углу, дабы не мешать моему общению с магическим предметом.

Кристалл привычно подернулся туманной дымкой, а потом ярко загорелся, полностью готовый к эксплуатации.

– Начать поиск, – приказала я. – Объект – человек. Имя – Ярослав Белинский. Возраст – десять лет.

– Выполнено.

Кристалл демонстрировал мне внутреннее убранство какого-то плохо освещенного помещения. Нет, скорее пещеры. Стены из потемневшего ракушечника были увешаны огромными картинами, изображавшими парусники с гордо воздетыми к небесам бушпри-тами. Меж картин, как спящие удавы, пристроились просмоленные корабельные канаты.

Я поманила мужа: присоединяйся к просмотру! Он так и прикипел взглядом к кристаллу.

– Слу-ушай, – восхищенно протянул Авдей. – Вон там, на картине – клипер «Флайинг клауд»! Точно! А вон модель римской триремы!

– Меня в данный момент не интересуют эти шедевры, – напряженно сказала я, хотя была страстной поклонницей всего парусно-корабельного. – Где наш сын?

– Похоже, бродит среди этого... музея. Потому как что это, если не музей? Кладбище забытых кораблей? – рассеянно говорил супруг. – О, а вот и Яська! Ты смотри, экспонат с витрины тягает!

В самом деле, мой сынок, опасливо оглядевшись по сторонам, приподнял крышку стеклянной витрины и вытянул лежавшую там на бархатной подушке медную подзорную трубу, по виду – весьма старинную.

– Оболтус, – покачала головой я. – А если он ее раскокает?.. Тьфу, о чем я. Сейчас же его зрители растерзают!

Но мои опасения не оправдались. Похоже, мой сын находился в этом странном хранилище морской и корабельной экзотики в совершенном одиночестве. И это снова заставило меня трястись от волнения.

Я накрыла тряпкой кристалл и ни с того ни с сего разрыдалась.

– Вика, да что с тобой?! Мы сейчас поедem в этот музей и притащим Славку в гостиницу за уши!

– Понимаешь... Тут что-то не так. Я чувствую.

– Магия?

– Нет. Не могу понять. И объяснить. Но кто-то всерьез заинтересовался судьбой нашего сына. И это может плохо кончиться.

С таким настроением мы выскочили на плавающие от жары улицы Одессы.

Я не спорю, это удивительный город. Вечерами мы втроем бродили по причалу, смотрели на россыпи огней в море, дышали пропитанным йодом воздухом, наслаждались коло-

ритным жизнелюбивым одесским юмором, которого уже давно не сыскать в суетной и вечно депрессивной Москве...

Но сейчас нам было не до юмора.

– Где находится музей парусников? – поминутно спрашивали мы у прохожих, те в ответ только плечами пожимали. Некоторые снисходили до пояснений:

– Да у нас такого музея сроду не было!

Тогда что мы увидели в магическом кристалле?!

Часам к семи вечера, вымотанные бесконечной ходьбой, голодные и несчастные, мы уселись на скамейку возле статуи Лаокоона. Я посочувствовала этому мраморному страдальцу, сражающемуся с гадом ради своих чад. Где же наше чадо, а?

– Все-таки придется заявлять в милицию, – обреченно сказал Авдей.

– Ты прав. – Я чувствовала себя так, словно меня только что хитро обманули. Обвели вокруг пальца.

– Возвращаемся в гостиницу. – Авдей решительно подхватил меня под руку. – Что толку здесь сидеть?

Я не возражала.

Проходя мимо дежурного администратора, я молча выложила на стойку обещанные двадцать долларов и вслед за мужем поднялась в номер.

И вслед за ним застыла у распахнутой двери.

В номере на ковре сидел наш сын и как ни в чем не бывало раскладывал свой любимый паззл, изображавший фрегат «Паллада».

– Привет, – сказал нам сын. – А где вы были? Я есть хочу.

– Нет, это ты где шлялся весь день?!

– Авдей, не кричи на ребенка!

– Этот ребенок вытворяет черт-те что! Мать с ног сбилась, тебя искала! И я, кстати, тоже!

– Где ты был?!

Ярослав посмотрел на нас укоризненным взглядом несправедливо обвиненного человека.

– Я сначала гулял по Приморскому бульвару. А потом был в Приюте Забытых Капитанов.

– Где?! Это что, какой-нибудь музей?

– Я же говорю – *приют*.

– Такого места в Одессе нет!

– Есть. Просто о нем не всякий знает. Там так здорово!

– Мы видели... – сказала было я и осеклась. Сыну я не говорила о своей магической спецтехнике. Иначе он обязательно использовал бы кристалл в своих шалостях.

– Ладно. Мой руки и идем в ресторан. Ужинаем и спать! Послезавтра у отца конференция, а ты тут нам приключения устраиваешь.

– Ничего я не устраиваю, – проворчал сынок, опасливо глядя на меня.

Но я уже не сердилась. Я была счастлива. Сын нашелся!

Только где-то очень глубоко в душе осталось, как заноза в пятке, ощущение, что я пропустила нечто весьма важное. И что проблемы с нашим отпрыском только начались...

Всю ночь я не спала, сидела в шезлонге на балконе, прислушивалась к доносившемуся из номера похрапыванию мужа и сопению сына, смотрела на яркие южные созвездия, и было мне отчего-то тоскливо и тревожно.

Неужели лимит спокойной жизни так быстро исчерпан?

Десять лет назад я лишилась своего заклятого врага, обрела истинных друзей и успокоилась на этом. Родился Яська, подрастали Машка с Дашкой, и мне, матери такого обшир-

ного и шумного семейства, было совершенно наплевать на постоянную битву Добра и Зла. Это Баронет, мамин верный супруг, – вечный воин, пожизненный маг на службе у закона, держащий руку на эфесе шпаги и пульсе всех мировых катаклизмов... Но даже его в последнее время так скрутил ревматизм, что стало не до поисков злодеев и всяческих супостатов.

Значит, кто-то решился встать на моем пути?

– И кто же тут хочет попробовать ведьмовской силы? – тихо спросила я у роскошной одесской ночи, не надеясь, впрочем, на ответ. В порту прощально прогудел теплоход. Да вездесущие цикады монотонно и бесконечно звенели, уводя меня в долгожданный сон.

Во сне я увидела, как мой сынишка идет по разноцветной гальке пляжа и море плещется у самых его ног. И вдруг посреди морской глади возникает парусный корабль и, тихо рассекая острым килем волны, идет прямо к моему мальчику. Потом я вижу, что рядом с Ярославом стоит мужчина, худой, бледный, в парике с косицей, камзоле и высоких ботфортах. Глаза этого типа горят как огни святого Эльма.

– Идем с нами, – глухо говорит мужчина моему сыну. – Наш корабль не может оставаться без капитана.

– Почему именно я? – спрашивает Яська. Резонно, между прочим, спрашивает. Я с младенческих лет внушала своему отпрыску, что не следует доверять незнакомым дядям, приглашающим сниматься в новом эпизоде «Звездных войн» или «Властелина Колец», вручающим бесплатную сигаретку с предложением научиться курить и приглашающим прокатиться на красивой машине.

– Правильно, сынок, – пытаюсь я вмешаться в ход своего сна. – Не связывайся ты с этим типом. Вид у него очень уж странный.

Однако сын меня не слышит, мужчина молча берет его за руку и ведет к кораблю. По воде. И я вижу, как мой сын вдруг оказывается на борту среди команды настоящих скелетов в тельняшках!

– «Летучий Голландец»! – вскрикивает Яська. В этом вскрике не страх, а беспредельный восторг. Еще бы! Какой мальчишка не мечтал побывать на этом снискавшем мрачную славу корабле!

– Да. И ты – наш капитан. Ты поведешь корабль к Острову, Которому Нет Описания. Это можешь только ты.

– А мои папа и мама?

– Не беспокойся. Они даже не заметят твоего отсутствия.

И тут я возмущенно кричу, что это наглая ложь и моего ребенка следует немедленно оставить в покое...

– Верните его на берег, негодяи!

Однако на берегу остаюсь я и в бессильной ярости смотрю на корму стремительно удаляющегося в открытое море корабля, увозящего моего сына. На мачтах вспухают от ветра черные паруса. Доносится с детства знакомая песня:

Йо-хо-хо и бутылка рома!..

– Ну вот. Я так и знал, что наш сын окажется пиратом. – В моем сне появляется Авдей и успокаивающе гладит мое плечо. – Ты не переживай, дорогая. Поплавет и вернется...

– Я не хочу! Почему со мной не согласовали?!

– Дети никогда ничего не согласовывают с родителями... Но если хочешь, мы можем отправиться за ними в погоню.

– У нас что, есть корабль?

– Да. – Авдей с серьезным видом указывает на полусгнившую, облепленную высохшими водорослями, засыпанную песком шлюпку.

– Ну, знаешь... Твой юмор совершенно неуместен в данном случае! – возмущенно кричу я.

На этом сон обрывается.

Я встала с шезлонга, приходя в себя. Оперлась о балконный бортик и невольно залюбовалась рассветом. Над пирамидальными тополями золотилась далекая полоска моря. Мягкий ветер шевелил веера декоративных пальм. Фонтан перед входом в гостиницу, отключаемый на ночь, теперь снова заискрился переливчатыми струйками воды...

В глубине комнаты настырно зазвенел будильник. Я усмехнулась. Авдей регулярно ставит себе будильник под самое ухо и регулярно же прихлопывает звящего монстра подушкой и продолжает спать. И тогда за побудку приходится браться мне.

Я покинула балкон и с громким призывом: «Вставайте, сони!» – принялась расталкивать своих мужчин. В ответ они кинули в меня подушками. Я затормозила подушки в воздухе и направила их обратно – в этих лентяев.

Авдей тут же вскочил и, изобразив полное мне послушание, отправился бриться. А Ярослав...

Он аккуратно поймал подушку, застелил постель и сказал:

– Мама, можно я сегодня снова пойду в Приют?

Я села мимо кресла.

– Авдей! – завопила я. – Нашего сына подменили!

На мой вопль муж выскочил из ванной с одной намыленной щекой.

– Ты посмотри на него! – указала я пальцем на Ярослава. – Это не он!

Муж пригляделся.

– Вика, ты перегрелась на солнце. Это вполне наш сын.

– Да?! А почему он не удивился тому, как я кинула в него подушкой? Он ведь сроду не видел, чтоб подушки зависали в воздухе! И потом... *Он хочет идти ТУДА!*

– Ай, – отмахнулся муж. – Вечно ты придумываешь какие-то несуществующие страхи. Дай мне добриться. Не знаю, как Ярослав, а мы сегодня идем в *Палацъ культуры морякив* на встречу с читателями.

И супруг ушел, оставив меня в обществе сына (или того, кто очень похож на моего сына).

Ярослав исподлобья глянул на меня и потянулся к коробке с паззлом.

– Отставить игрушки! – приказала я. – И всякие фантазии насчет каких-то капитанов тоже отставить! Сначала ты у меня будешь завтракать! Я немедленно закажу в номер овсяную кашу, бутерброды с маслом и брынзой и творожную запеканку. Это ведь твоя любимая еда!

– Конечно. Я с удовольствием позавтракаю, – невозмутимо ответил сын.

И эта фраза окончательно утвердила меня во мнении, что кем-кем, а уж Ярославом Белинским этот мальчик не является! Потому что мой отпрыск при словосочетании «овсяная каша» покрывался мурашками, бутерброды с маслом и брынзой милостиво скармливал в окошко воробушкам и синичкам, а уж при одном запахе творожной запеканки его просто выворачивало наизнанку. И фразу «Я с удовольствием позавтракаю» мой настоящий сын произнести просто не мог. Он ненавидел завтраки, обеды, полдники и ужины и шел на них, как призывник – на медкомиссию.

Так кто ж ты, милый мальчик, а?

Я тайно произнесла заклинание, развеивающее морок, а также лишаящее любого оборотня его личины. Не сработало. Псевдо-Ярослав увлеченно жевал принесенную горничной в номер овсянку. Я отошла за высокую развесистую пальму в углу комнаты и, загордившись широким перистым листом, посмотрела на мальчика *истинным зрением*. От моего пристального фиолетового взгляда лист пальмы задымился и скукожился, а сын ничего не заметил и принялся за запеканку, заедая ее бутербродами и запивая смородиновым киселем (брр, мерзость!).

Тут муж, выбритый и настроенный по-деловому, принялся выпрашивать у меня совета, какой из сотни привезенных с собой галстуков ему надеть на предстоящую встречу. Я навскидку посоветовала золотистый с черными разводами.

– Я буду похож в нем на системного программиста, – сказал муж, подходя ко мне с висящим на запястье злосчастным галстуком. – Кстати, *что* ты сидишь тут, за пальмой?

– Чш-ш! – зашипела я. – Ты посмотри на этого мальчика!

– Вика, ты опять за свое. У тебя магик-психоз.

Магик-психозом мой дорогой супруг называл такое мое настроение или душевное состояние, при котором я начинала видеть нечто враждебно-окультиное даже в самых реалистических и вполне невинных вещах вроде вантуза либо электрогрелки.

– Нет у меня психоза. Ты видишь, что он ест? Наш сын когда-нибудь был на это способен?

– Ну и что. Может, он вырастет и ему начинает нравиться даже такая еда. Я вот со временем привык есть пиццу, которую ты готовишь...

– Спасибо тебе, дорогой! – В качестве маленькой мести за комплимент моим поварским способностям я взглядом заставила мужнин галстук обвязаться вокруг его запястья кокетливым, но очень крепким бантиком.

– Вот так и иди на встречу со своими поклонниками!

– Дорогая, твои дурацкие шуточки...

– Погоди ты!

Я покинула пост наблюдения и подошла к лже-Ярославу. Послав в свою левую ладонь заряд обессиливания мага, я этой ладонью коснулась острого мальчишечьего плеча. Нулевой эффект. Разве что «сынок» посмотрел на меня и спросил:

– Я могу идти? Я ведь уже позавтракал. Спасибо за завтрак, мамочка.

– Иди, милый, – ангельским голоском пропела я. – А можно мне пойти с тобой?

Впервые лицо этого дитяти как-то неуловимо изменилось.

– Нет, мамочка, – ровным и твердым как бетонное покрытие голосом ответил мальчик. – Туда взрослых не пускают.

– Ну, нет так нет, – притворно вздохнула я и взъерошила волосы на макушке Ярослава. При этом прицепила к волосам волшебную невидимую ниточку, которая потянется за мальчиком и укажет мне его местонахождение. Никто, кроме меня, не сможет эту ниточку дезактивировать. – Беги в этот свой Приют, постреленок!

Когда дверь за псевдосыном захлопнулась, муж подошел ко мне и спросил удивленно:

– Что с тобой творится? То ты его ни в какую не хочешь отпускать, то наоборот... Кстати, развяжи этот чертов бант. Я же опоздаю на официальное мероприятие! И надо мной смеяться станут!

Я развязала бант и сказала:

– Ты, разумеется, мне неверишь, но все-таки это не наш сын. Не настоящий Ярослав.

– Морок, что ли?

– Нет. И не оборотень. И не магический посланец. В нем нет ничего паранормального. Ничего волшебного. И все-таки он не наш...

Тут я вспомнила об увиденном ночью сне и незамедлительно пересказала мужу его содержание. Тот сначала внимательно слушал, а потом изумленно приподнял брови:

– Вика, знаешь, что ты сейчас мне пересказываешь?!

– Что?

– Содержание моего романа! Ну, вспомни! «Пристань последних кораблей»!

– Извини, я не читала. Не успела...

– Да? Странно.

– Я обязательно прочту.

– Не в этом дело, дорогая. Странно, что ты, не читая этой вещи, стопроцентно воспроизвела сюжет. Мальчик уходит гулять на море и всходит на борт «Летучего Голландца». А к родителям вместо этого мальчика приходит... он же, но *другой*.

– Это как? Он фантом, призрак?

– Нет, такой же человек из плоти и крови, только обладающий теми качествами, которых недостает своему... отражению, что ли. Понимаешь, это как в старой сказке про зеркало: отражение оживает и дополняет свою матрицу противоположными параметрами...

– Один не ест овсянку, другой ее обожает...

– Именно!

Я схватилась за голову.

– Авдей, одно дело – роман, а другое – реальная жизнь! Кому понадобилось менять нашего сына на двойника?!

– Да с чего ты взяла, что его вообще подменили?!

– Я мать! – гордо сказала я. – Материнское сердце не проведешь.

– Ну допустим. Тогда где же мы будем искать настоящего Яську? На борту «Летучего Голландца»?!

Я сникла. Но потом воспрянула духом:

– Я могу проследить путь псевдосына! Выяснить, что это за Приют Забытых Капитанов, в который он так рвался!

– Будем следить вместе.

– А как же встреча с читателями?

– О чем ты говоришь, Вика? Тут сын пропал, а я пойду болтовней заниматься?!

– Ладно, – решила я. – Постараемся никого не обидеть. Сколько примерно продлится твое мероприятие?

– Часа полтора, потом еще час на экскурсию в исторический центр города, час на фуршет, минут сорок на автографы...

– Я создам морокка на четыре с половиной часа. Наговори ему все указания и можешь смело отправляться со мной навстречу очередным приключениям.

...Морок, кстати, получился даже более презентабельным, чем мой супруг. И речи о специфике современной литературной жизни произносил с большим пафосом и знанием вопроса.

– Сойдет, – решили мы.

Через двадцать минут элегантный морок отправился во Дворец культуры моряков на встречу с любителями фантастики. А мы с мужем покинули гостиничный номер через балкон, чтобы у дежурного администратора при виде вновь выходящего из номера Авдея Белинского не случилось дежавю. А через балкон, с четвертого этажа я, никого не беспокоя и наложив заклятие общей невидимости, слевитировала вниз, волоча мужа за ворот ковбойки (хорошо – крепкая ткань, качественная) как мешок с цементом.

– Раскормила я тебя, Белинский, на свою шею! – отдуваясь, произнесла я, едва мы ощутили под ногами твердую брусчатку. – Сел бы ты на диету, что ли...

– Теща вернется – посадит, – вернул мне колкость любящий супруг.

Впрочем, препираться нам было некогда, да и не хотелось, чтобы случайные прохожие слышали голоса ниоткуда.

– Куда мы теперь направляемся? – шепнул Авдей, едва мы вышли из зоны видимости гостиницы.

Я ликвидировала заклятие, потом пошептала на свою левую ладонь. Ладонь засветилась, и на ней, как стрелка в компасе, задрожала верткая алая полоска, почти невидимая в потоках солнечных лучей. Но если внимательно приглядеться, то можно увидеть, что полоска, выходя за край моей ладони, мелькает среди платанов и акаций широкого бульвара.

Курортники, одесситы и те, кто пытался притвориться одесситами, проходили сквозь нить моего целеуказателя, не замечая ее. Только у меня ладонь щекотало, когда очередная дама в соломенной шляпке и шифоновом сарафане шла поперек намеченного мной пути.

Это только казалось, что по волшебной нити будет легко отыскать бесценного отпрыска. Мы бродили по городу до позднего вечера, при этом старательно изображая просто гуляющую семейную пару, которая никуда не торопится. Ноги гудели, хотелось сесть за столик летнего кафе и выпить сразу литра три ледяного апельсинового сока (свежеотжатого!)... Но коль взялся за нить – не изволь временить.

– Вика, а морок наверняка давно вернулся в гостиницу... – протянул Авдей, видимо уже завидуя своему фантому, пожавшему лавры славы и не обязанному бродить по городу в роли ищейки.

– Глупости. Я заклала его через пятнадцать минут после выполнения всех обязанностей зайти в мужской туалет и просто испариться над унитазом или раковиной.

– Спасибо, любимая. Поприличней ничего не могла придумать?

– Ой, какие мы гордые... Это же всего-навсего морок.

– Да, но это *мой* морок.

– Хорошо. В следующий раз, когда буду создавать твоего морока, прикажу ему развешиваться в баре с мужским стриптизом. У шеста. И с постепенным снятием одежды. Ты сразишь всех!

Авдей хихикнул, но тут же посерьезнел. Стало уже не до смеха, наше наблюдение слишком затягивалось. С одной стороны, это было даже красиво: среди темноты (а южные ночи всегда по-особому темны), зарослей роз и агав тянется в воздухе алый лучик-паутинка, но с другой стороны...

Ох и заставила нас эта паутинка попетлять! Словно наш псевдосыночек знал о том, что мы устроим слежку, и старался запутать следы. Зря старался. Наше упорство было в конце концов вознаграждено. Где-то уже под сводами легендарной Аркадии мы наконец остановились перед странным сооружением, напоминавшим цирк-шапито.

– Дверей здесь, разумеется, не предусмотрено, – процедила я сквозь зубы, глядя на то, как алый целеуказатель упирается в глухую стену.

– Но он же прошел.

– Логично, дорогой. Ты как, не разучился еще колоть ударом руки каменные плиты?

– Каменные уже не потяну. Фанерные – куда ни шло...

– Ясненько. Опять мне работать.

Я погладила еще не остывший после жаркого дня камень рукой и властью, данной мне над всяким камнем и металлом, повелела повиноваться мне. Камень не противился. Он тихо рассыпался в прах.

Когда осела каменная крошка, в образовавшемся аккуратном проломе снова замерцала алая паутинка.

– Туда! – шепотом скомандовала я.

И первой шагнула в пролом, таща за руку Авдея.

И полетела вниз, как Алиса – в Страну Чудес!

– Ого-го! – завопил муж.

Точно. Ого-го.

И посадочка тоже. Эге-ге.

Мы немного посидели на неласково твердом полу, мысленно проводя инвентаризацию и профпригодность имеющихся у нас членов. После чего побряхтели и встали. Огляделись.

И перед нами и позади нас тянулся высверленный в толще ракушечника сумрачный коридор, освещенный странными светильниками, похожими на болотные гнилушки.

– Мне это напоминает компьютерную игру, – пробормотал муж. – Интересно, на каком мы уровне и сколько еще жизней у нас осталось?

– А вот это зависит от вас.

Голос, произнесший эти слова, не мог принадлежать человеку. И вообще никакому живому существу. Так могло бы говорить...

Привидение?

Я посмотрела вокруг *истинным зрением*. А потом сказала мужу:

– Помнишь, в путеводителе говорилось о знаменитых одесских катакомбах?

– Да. А что, собственно...

– Мне кажется, мы в них попали. Причем крепко. Ну что, идем?

– Куда?

– Вперед. Видишь, нить все еще тянется.

Мы несмело зашагали по коридору, поминутно цепляясь за стены и ожидая какого-нибудь подвоха в виде очередного провала. Но все было тихо. Правда, на самой грани слышимости можно было различить отдаленный шум, напоминавший то ли шепот прибора, то ли веселое застолье...

– Странные эти катакомбы. Неправильные. Мне кажется, ни один коренной одессит и не подозревает об их существовании.

– Это как-то связано с магией? – поинтересовался муж.

– С обыденной, известной мне, – нет, – прошептала я, оглядываясь. – И пока я не могу распознать, что это за волшебная сила...

Господа и дамы! Джентльмены-леди!
Рады пригласить вас в скромный наш Приют!
Мы всегда готовы к дружеской беседе,
Вам полусухого здесь всегда нальют!..
А-а также нальют и водочки под кильватер лодочки!
И наплещут коньячку молодому морячку!
А кто соблюдает свой облик моральный,
Пусть выпьет Особенной Минеральной!

Когда эти разудалые куплеты вдруг загремели под катакомбными сводами, я инстинктивно прижалась к крепкому мужниному плечу. Но потом вспомнила, что я как-никак ведьма, а ведьме не пристало быть пугливой и трепещущей от каждого встреченного скелета дамочкой...

Да, да. Я не оговорила. Навстречу нам, приветственно побрякивая берцовыми костями, выходили скелеты.

– Все-таки здесь замешана магия, – обреченно констатировал Авдей.

– Да. Только есть в этой магии нечто... контрабандное. Неформальное. – Я с нескрываемым любопытством разглядывала хозяев катакомб. – Хочешь, я ликвидирую эти никчемные останки, призванные пугать забредших сюда психастеников...

– Уй, мадам, к чему такие страсти! – жизнерадостно воскликнул скелет в истлевшей тельняшке и матросских клешах. – Разве мы похожи на урок с Пересыпи, шо таки нороят обидеть порядочную ведьму? Мы таки рады гостям, которые еще к тому же и родители нашего замечательного капитана Славы! Шо я говорю не так, Григорий?

– Все так, Константин! – подтвердил скелет Григорий, в наброшенном на источенные временах ключицы бушлате. – Здоровеньки булы! Заходите! Будьте как дома и не забывайте, что вы в костях! Пардон, в гостях!

...Да уж, у таких колоритных персонажей нам еще гостить не доводилось!

Коридор как раз вывел нас в обширную пещеру, часть убранства которой я увидела в магическом кристалле. Что ни говори, а зрелище было впечатляющее.

Посреди пещеры (или залы, не знаю, как лучше сказать) возвышался стол, заваленный экзотической южной снедью. На золотых блюдах горой возвышались персики, абрикосы и янтарные кисти спелого винограда. Из ивовой плетенки печально торчали клешни смирившихся со своей кулинарной участью крабов. Устрицы и мидии зевали, схлопывая створки своих раковин. А возле стола стояли здоровенные, литров на двадцать пять, широкогорлые бутылки, по всей вероятности, с вином домашнего приготовления...

Святая Вальпурга, о чем я думаю?! Какое «домашнее приготовление»?! Где мой сын?

Но мне не дали вновь вспыхнуть праведным материнским гневом. Скелет Константин махнул костлявой рукой, как фокусник-иллюзионист, и я увидела Славку (или псевдо-Славку?) мирно дремлющим на высокой обнаженной груди прекрасной женщины с загадочной улыбкой и рассыпанными по плечам волосами.

– Хороша, – вполголоса оценил Авдей. – У мальчика явно есть вкус. Интересно, из какого дерева ее... изваяли?

– Из дуба, – наугад ответила я. – Все мужики одинаковы. Как увидите красивую бабу, пусть даже деревянную, с корабельного носа снятую, сразу головы теряете и о деле забываете.

– Мадам, шо же нам делать, если вы так прекрасны, а мы так давно не были в достойном женском обществе! – умело польстил мне Константин.

– Вы не извольте беспокоиться за вашего хлопчика. Все тип-топ! Он умаялся, пока читал лоции...

– Меня не интересует этот подменыш. Где мой настоящий сын?

Григорий, Константин, а вслед за ними и прочие подтянувшиеся в пещеру скелеты выразили недоумение.

– Мадам, шо за намеки? Это ваш настоящий сын, просто у него немного изменился характер...

– Под нашим, исключительно благотворным, влиянием!

– Но мне приснилось, что он уплыл на «Летучем Голландце», – растерянно протянула я.

– А это ему только предстоит.

Опять этот странный голос! Только теперь кажется, будто это говорят стены самой пещеры.

Я обернулась и увидела джентльмена, недавно посетившего мой сон и уведшего Ярослава на борт легендарного корабля-призрака. Скелеты почтительно, но без холопского подбострастия расступались перед ним, постукивая тазовыми костями.

– Кто вы? – излучая глазами ультрафиолет, спросила я.

Прежде чем он ответил, я уже знала, кем он не является. Однако то, что твой предполагаемый собеседник не подпадает ни под какой раздел классификации известной мне нежити, одновременно и успокаивало и настораживало.

– Я хранитель «Летучего Голландца». Моя задача – отыскать капитана, который встанет у штурвала этого корабля. Я нашел капитана.

Я покосилась на спящего Славку-капитана, все еще сомневаясь, действительно ли он мой сын. Потом посмотрела на Авдея и вздохнула:

– Это бред какой-то. Магик-психоз. Скелеты-матросы, «Летучий Голландец»... Ущипните меня, я проснусь, может быть.

– Мадам, вам ли быть в печали! – приветливо заклацал челюстью Григорий. – Прошу вас и вашего супруга до стола. Посидим, выпьем, закусим – и все будет светло и ясно, как в солярии моего далекого потомка Ленчика Паршевка!

– По-моему, невежливо отвергнуть приглашение этих славных парней, – рассудил конформист Авдей.

– Ай, спасибо! Вот уже двести лет никто не называл нас славными парнями!

И мы расселись за роскошным столом, стараясь шумливыми разговорами не разбудить будущего капитана «Летучего Голландца».

Прежде чем приступить к радушно предложенной трапезе, я на всякий случай протестировала пищу на предмет ее истинного состояния, чем вызвала в скелетах приступ гордой обиды:

– Мадам, вы нам не доверяете! Ваша профессия, конечно, наложила на вас отпечаток, как таможенник – свою лапу на контрабанду, но есть же пределы... Вы шо же думаете, нам угодно вас и вашего уважаемого супруга травить, как клопов в матрасе? – развыступался Константин, гордо выпячивая вперед похожие на шпангоуты ребра.

– Можете не сомневаться, все здесь свежее, натуральное и даже прошедшее санитарный контроль! – поддакнул вежливый скелет по имени Ашот Сурикян. – Ни в одном ихнем йогурте вы не найдете столько живых и полезных для организма культур, как, допустим, вот в этом нашем простом черноморском крабе!

Он указал на покоящегося в корзинке краба и предложил Авдею угоститься. Муж не заставил себя долго упрашивать: в отличие от меня, он был голоден и возжелал попробовать упомянутого краба. Краб, видимо, тоже желал. Цапнуть Авдея за протянутый палец. И краб свое желание удовлетворил.

Авдей замахал укушенным пальцем, стряхивая с него увлекшегося краба, и когда тот благополучно вернулся в свою корзинку, сказал:

– Да уж, чего-чего, а жизни в этом деликатесе действительно хватает! Здесь есть какая-нибудь менее агрессивная пища?

К тому моменту я чистила персик, уже разделавшись с двумя спелыми кистями винограда сорта розовый мускат.

– Кушай, дорогой! – Я протянула мужу половинку персика.

– И по-вашему, мадам, это пища для настоящего, полного сил мужчины, которому надо восполнять жизненные ресурсы своего великолепного организма? – прошепелявил скромно сидящий в углу стола скелетик со вставной челюстью и засаленной ермолкой на черепушке. – Мсье, послушайте старого рэбе: потребляйте кошерную пищу. Не угодно ли – курица с тертым сыром, колбаска...

Я придирчиво обнюхала тарелку с курицей и передала ее мужу. Тот не стал дожидаться повторного приглашения.

– А что же вы и ваши люди, то есть... ваша команда, ничего не едите? – обратилась я к неулыбчивому хранителю корабля-призрака.

– А как, мадам? – вместо него вклинился в разговор Константин. – Если у нас хорошие челюсти, это еще не означает, что у нас все тип-топ с пищеварением... Да и для поддержания бодрости духа нам это не требуется. А вот это – просто необходимо!

С этими словами расторопный скелет легко подхватил тяжелую бутылку. За темным стеклом что-то густо и тяжело плеснуло, словно деготь.

– Наполним бокалы! – воскликнул Константин, и в подставленные золоченые кубки из бутылки медленной аристократической струей потекло темно-бордовое вино, за один аромат которого все виноделы мира прозакладывали бы душу.

Я взяла бокал, чуть покачивая плещущуюся в нем жидкость, чтобы полнее ощутить букет.

– Что это за вино?

– Мы называем его «Душа Одессы», и, поверьте, мадам, нигде, ни в каком самом дорогом ресторане его вам не подадут. Только у нас! Только в Приюте Забытых Капитанов! Прозит!

– Ваше здоровье!

Да, такого нам с мужем нигде еще пить не доводилось. Расскажи кому – не поверят, что существует вино, густое, как сметана, пыльное, как поцелуй случайного любовника, мягкое, как кошачья лапка, и острое, как выпущенные из этой лапки коготки...

Борясь с желанием выпить еще как минимум треть бутылки, я отставила бокал в сторону.

– Га-с-спада, – заговорила я, старательно фокусируя взгляд на одном из скелетов. – Даме больше не наливайте. Иначе дама не сможет вести важный разговор. А мне надо задать вам несколько вопрос-ик! – ов...

– Что именно вы хотите узнать? – спокойно поинтересовался единственный нескелет в старом камзоле и побитых молью штанах.

– Первое. Что это за Приют Забытых Капитанов? Кто вы такие? Я ведьма, я встречала разную нежить: английских оборотней, эстонских упырей, японских тэнгу, американских вампиров, голландских эльфов, российских программистов... Но вы? Вы не похожи даже на классических неупокоенных мертвецов!

– Мадам! Таки очень обидно выслушивать от красивой дамы, шо ты в ее понимании неупокоенный мертвец, когда на самом деле ты просто *морская душа*! – встрял то ли Григорий то ли Константин, я их уже не различала.

– Морские души?

– Да, миледи. Есть обычные души обычных людей, и их дороги – в ад или рай, соответственно прижизненному поведению. Но если ты родился моряком, если тебя грудью кормило море, а колыбельные пели пассаты и муссоны...

– Если морская соль пропитала тебя с ног до головы, и ты засыпал на вантах, умывался штормом, обнимал мачту, как любимую женщину, а твоя бригантина была для тебя домом, возлюбленной и гробом, – у тебя морская душа. И место тебе в этом Приюте!

– Но почему именно в Одессе?

– Мадам, вы таки спрашиваете, почему место морским душам именно в Одессе? А разве есть где-нибудь на земле еще один такой город, в котором даже вывешенные на просушку простыни кажутся парусами?! Попробуйте, покажите мне на карте, и я посмеюсь вместе с вами. Одесса! О, Одесса! Вслушайтесь, ведь имя этого города звучит как плеск волны о форштевень!

– Да вы поэты, господа...

– Как иначе, мадам? Все морские души – пираты и поэты! И одесситы! А хотите, мы вам откроем нашу страшную тайну?

Я изобразила предельное внимание. Муж ничего не изображал и не слышал. Он спал в блюде с персиками, на ворот рубашки к нему вскарабкался несъеденный краб. Бедный мой писатель-фантаст! На него это немыслимое вино подействовало еще сильнее, чем на меня.

– Слушаю вас... Вашу страшную тайну.

– Вы думаете, тот самый «Летучий Голландец» таки был голландцем? Этот корабль с самого начала вел дальний родственник дюка Ришелье, контрабандист, пират и коренной одессит Сеня Арнаутский. Да, он любил голландский сыр и нечасто предъявлял портовым властям паспорт со своим настоящим именем! Потому и пошла легенда... А вы – голландец, голландец.

То ли вино подействовало, то ли мои страхи развеялись, но эти скелетики нравились мне все больше и больше. Гостеприимные, ироничные, с живым юмором! Таких и среди живых людей не найдешь, а тут – настоящая одесская экзотика...

Однако это была еще не вся экзотика, отпущенная на сегодняшнюю ночь. Когда скелеты (стоя) пили за «присутствующую здесь мадам», к столу вышел еще один их костлявый товарищ...

Скелет печального образа.

В рваных клешах, боцманской куртке и с черной повязкой через правую глазницу. Скелет прихрамывал, опираясь на костыль. На плече встряхивал остатками перьев покоцанный скелетик попугая.

– Добрый вечер, – грустно сказал скелет. – Приятного аппетита.

– А, боцман, вот и ты наконец! Представься даме и выпей с нами!

Означенный боцман отвесил мне поклон (шейные позвонки его при этом подозрительно хрустнули):

– Боцман Бецман.

– Очень приятно. Ведьма Викка.

– Такая молодая и уже ведьма, – пробормотал боцман.

...Если учесть, что скоро я буду со слезами на глазах праздновать свое сорокалетие, то из уст боцмана я получила скорее комплимент, чем осуждение моего Ремесла.

Боцман, побряхтывая, присел у краешка стола. К нему сунулись было с вином, но он осуждающе покачал головой и извлек из клешей бутылку воды «Аква минерале».

– А отчего это ваш боцман не пьет? – поинтересовалась я у Константина. – И сидит такой печальный, словно на похоронах.

– О мадам, наш друг Бецман – жертва врачебной практики. Так сказать, зримый укор всем работникам шприца и клизмы!

– Да что вы говорите!

– Уй, мадам! Если рассказать вам историю Бецмана, вы таки будете рыдать, как дитя!

– В таком случае, я слушаю.

...История боцмана Бецмана действительно навсегда запала в мою душу. И я часто вспоминаю ее.

Бесстрашный и жизнерадостный боцман Бецман не боялся ни штормов, ни штилей, ни пиратов, потому что сам состоял в храброй пиратской команде каравеллы «Строптивая бабенка», но однажды с ним приключилась простуда – просквозило нордом, когда вязал рифы. Едва корабль вошел в первый порт, чихающий и кашляющий боцман отправился не в таверну, а к доктору. Тот осмотрел Бецмана и обнаружил у него астигматизм, гипергликемию, псориаз, волчанку, болезнь Альцгеймера, климакс, гипогенитализм, перемежающуюся хромоту, отит и бородавки. Боцману выписали такое количество микстур, порошков, мазей, притираний, настоек и эликсиров, что их хватило бы заполнить целый вельбот! И с тех пор боцман принялся сражаться со своими болезнями. Он списался на берег, забыл про море и паруса, забыл славную пиратскую жизнь, а только ходил по врачам, выслушивал их наставления да сдавал анализы. И по прошествии некоторого времени так и не победивший всех своих хворей бывший бравый моряк скончался. Но и в могильной тиши души докторов не давали ему покоя! Они проколупывали дырочки в досках боцманского гроба и шептали длинные списки рецептов, вместе с земляными червями пытались передавать оживляющие микстуры и регенерирующие бальзамы... И боцман не вынес такой смерти. И пришел в Приют Забытых Капитанов, куда был строго воспрещен вход медицинскому персоналу!

Правда, характер у боцмана был безнадежно испорчен долгим лечением. Он отвергал вредные привычки, боялся ревматизма и анемии и грустил о тех безоблачных днях, когда он был живым бесстрашным морским волком, плюющим с фок-мачты на любую хворь...

Тут рассказ прервался, потому что боцман неожиданно запел. Голосок у него был слабенький, поэтому все мы затихли, чтобы расслышать слова его печальной песни:

Я спою вам пиратскую песню о главном,
Абордажную песню с победною нотой.
Не болят у пирата аппендикс и гланды,
Он не может уйти на больничный с работы.

Он находится в центре бушующей схватки,
Средь клинков и орудий, в разбуженном море...
Если с печенью вдруг у него неполадки,
То не может пират укатить в санаторий.

Мы гроза океанов, искатели кладов,
И врагов мы пускаем на дно очень быстро...
Но нам клада не надо и битвы не надо —
Нам бы лучше сходить на прием к окулисту...

Боцман допел последний куплет и поправил повязку на глазнице. Скелет попугая, нахохлившись, дремал у него на плече.

Я отерла слезы платочком и ласково сказала:

— Боцман, хотите, я вам череп отполирую? А то он выглядит каким-то подплесневелым.

— Мерси, — поблагодарил боцман печального образа. — Вынужден отказаться от вашего лестного предложения, мадам, поскольку это не плесень, а медицинский линимент Флуцинара — Стрептоцидова. К сожалению, я навсегда получил привычку поддерживать с помощью лекарств свое брэнное существование...

К этим словам боцмана Бецмана все сидевшие за столом прислушались с уважительной печалью. Молчание нарушил скелет с ермолкой на черепе:

— Я вам таки скажу, что доктора — это нечто! Единственные, кто умеет нас, моряков, мало-мальски лечить, так это судовые эскулапы, у которых на все болезни, от поноса до гангрены, есть одно вернейшее средство — пинта ямайского рома напололам со жгучим перцем. Вот такое лекарство подымет мертвого!

— Почтеннейшая публика, позвольте вам рассказать одну весьма поучительную историю, касаемую всякой медицины и прочих Гиппократов, — стуком фаланги указательного пальца о бокал призвал к вниманию скелет, доселе молчавший и представившийся нам как штурман Сведенборг. — Это было давно, еще в те славные времена, когда я топтал палубу барка «Святая Целестина». Служил с нами на барке матросом один парень — дюжий молодец, высокий, плечистый и такой силы, что мог одной рукой втугую крепить стаксель, когда судно ложилось в крутой бейдевинд и шло против штормового ветра... Но при такой силе этого парня не очень любили в команде, хотя уважали и никогда не задевали ни словом, ни кулаком. Да и не виноват он был в том, что родился с таким уродливым лицом! Как будто кожу на всей его физиономии зашивали парусной кривой иглой, чтоб не расползлась. Поглядишь на такое лицо и решишь, что перед тобой выходец из могилы и гнусный убийца, хотя на самом деле парень был кроток, как ягненок, добр, как ангел, чурался драк и в каждом порту при удобной оказии отправлял письма домой... Как-то я расспросил его о родителях и даже, набравшись храбрости, спросил, как получилось, что лицо у него напоминает плохо сшитый кожаный кошель, и парень, смущаясь, поведал мне историю своего рода. У меня даже дух захватило! Оказывается, отец парня не родился обычным для всех потомков Адама способом, а был создан из останков разных людей каким-то безумным доктором...

— Франкенштейн?! — изумилась я.

— Как, мадам, вы тоже знаете эту историю?

— Нет, нет, продолжайте...

– Так вот. Доктор Франкенштейн, вместо того чтоб лечить больных, задумал стать Творцом. Но поскольку был сей доктор недоучкой, часто прикладывался к пиву и плохо разбирался в анатомии, то и вышел у него этот человек до того уродливым, что даже волки в лесу его пугались. Доктор, подлец, бросил свое создание на произвол судьбы, даже не дал ему имени, и бедняга ушел в горы, озлобленный и мечтающий о мести. И кто знает, сколько несчастий человечеству принес бы этот «сын» Франкенштейна, если бы в горах ему не повстречалась прекрасная женщина. Ну, может, она не так уж и была прекрасна на лицо, зато была добра душой, и когда несчастный урод влюбился в нее, она ответила ему взаимностью и стала его женой. Они выстроили в горной луговине дом, обзавелись хозяйством и жили душа в душу. Урод называл себя Франкензоннер – сын Франкенштейна, и эту фамилию потом стали носить пятеро его сыновей. Ребятишки рождались крепкими, только лицом были – вылитый отец, хотя характером – как их добрая мать. Франкензоннер, когда его сыновья подросли, разрешил им учиться любому ремеслу. Любому, кроме врачебного! «Посмотрите на меня, дети мои, – сказал он. – Я результат врачебной ошибки. Эта ошибка дорого мне стоила, хотя с тех пор как ваша мать стала моей верной подругой, жизнь моя превратилась в рай. Но я заклинаю вас: лучше учитесь, будьте подмастерьями у золотарей и дубильщиков кож, чем докторами! Никого так не клянет человечество, как их, хотя к ним же и идет за исцелением...»

Сыновья подчинились воле отца и выбрали себе достойные ремесла: первый служил вышибалой в богатой таверне, второй – носильщиком, третий просиживал ночи напролет над изготовлением прекрасной мебели – крепкой, недорогой и добротной. Четвертый построил мельницу и стал молоть отличную муку. А самый младший, выпросив благословения у любящих родителей, стал моряком... С ним-то и свела меня судьба. И вот что интересно! Никогда, даже если болел зуб или на руке гноилась рана от случайной пули, этот парень не обращался к доктору. Видимо, ради уважения к собственному отцу...

– Как интересно! Я, правда, знавала другой вариант захватывающей истории о создании Франкенштейна, но то, что вы сейчас рассказали, мне нравится больше. Я люблю сказки со счастливым концом...

Тут раздался грохот. Я вскочила, но оказалось, что это просто проснулся мальчик Слава, слез с деревянной сирены и ногой нечаянно зацепил прислоненный к стене якорек-кошку, который и произвел столько шума.

Слава, зевая, подошел к столу, но, увидев меня, ойкнул и попятился.

– Мам, – заговорил он испуганным голосом. – А ты как здесь оказалась? А папа где?

Я уцепилась за бок дремлющего усами в персиках Белинского и, прошептав заклинание мгновенной трезвости, громко сказала:

– Дорогой, просыпайся, пообщайся с ребенком!

Авдей мгновенно расстался с персиками и окинул окружающую действительность взглядом трезвенника. Потом увидел сына.

– Ярослав! – грозно обратился он к отпрыску, вытирая платком персиковый сок с усов. – Почему у тебя появились тайны от нас с мамой?

Яська бесстрашно подошел к столу, уселся на предложенный Сурикяном табурет и объяснил:

– Я боялся, что вы меня не поймете. И не отпустите в плавание.

Мне хотелось разразиться длительной педагогической тирадой, но я вовремя вспомнила собственную маму с ее бесконечными лекциями на тему неправильности моей жизни и прикусила язык. И сказала только:

– Зря ты так, сынок. Почему ты думаешь, что мы такие уж непонятливые родители-садисты?

Тут меня неожиданно поддержал печальный боцман Бецман:

– В самом деле, капитан Слава... Ваши почтенные родители должны знать всю правду. Если путешествие начинается со лжи, оно не будет удачным. Сказки не любят обманщиков.

– *Это моя вина*, – глухо изрек хранитель корабля-призрака. – *Это я Славку подговорил молчать.*

– Подговорили! Детский сад какой-то!

– Так ведь вы, Виктория, ведьма, от вас всего можно ожидать. Запрете Славку – и все наши надежды и мечты рухнут...

– Спасибо вам на добром слове. От ведьмы. Злой, ужасной, коварной и безжалостной. Славка! Ну что ты на меня так смотришь! Неужели ты смог бы тайком уплыть от нас с папой и ничуть тебе бы нас не было жалко?!

Будущий капитан виновато зашмыгал носом:

– Я бы вам своего двойника оставил. Того, который утром кашу ел.

– Значит, все-таки был двойник?! А может, это ты двойник, а мой настоящий сын все-таки уплыл?

– Нет, мам. Настоящий – я. Понимаешь, я сам не знаю, как у меня получилось сделать этого двойника. Просто подумал: вот пусть он побудет вместо меня, пока я путешествую, и слушается маму с папой, и овсянку эту мерзкую ест... Я закрыл глаза, представил, потом открыл – смотрю, он стоит, моя копия...

Я была потрясена. Судя по сотворенной моим сыном копии, он был сильнее всех известных мне магов и ведьм, способных создавать лишь мороки максимум на двое суток. Это что же, мой сын владеет магией, а я не в курсе?!

– Славик, а где копия теперь?

– Здесь. – Сын указал на сердце. – Он пришел и просто растворился во мне. Как воздух. Но если хотите, я могу его вызвать.

Понятно. Вот почему мне казалось, что я столкнулась с какой-то неизвестной, хитрой волшбой. Волшбой родного сына.

Сын меж тем сжевал апельсин и украдкой потянулся к бокалу с вином.

– Славка! – Я взглядом превратила бокал в кружку с молоком. – Если с таких лет потянешься к спиртному, я тебе покажу, что значит мама-ведьма!

– Больше не буду! – Отпрыск изобразил послушание. Неартистично, впрочем, изобразил.

– И все-таки, может быть, кто-нибудь объяснит мне, как отцу этого ребенка, что это все значит? – подал голос Авдей. – Что вы всё ходите вокруг да около.

– *Хорошо. Раз уж так получилось и вы здесь, вы вправе знать все*, – склонил голову в знак согласия хранитель «Летучего Голландца».

– Слухи о том, что корабль-призрак, или «Летучий Голландец», – вестник бед и несчастий на море, сильно преувеличены. На самом деле команда этого корабля из века в век стремится исполнить пророчество своего самого первого капитана. Однажды, когда дьявольский шторм трепал корабль и команду так, что казалось, они незамедлительно пойдут ко дну, капитан, привязав себя к грот-мачте, чтоб не упасть, воскликнул: «Не страшитесь! Я вижу то, чего вы не видите, – есть где-то на этой грешной земле остров, который нас ждет! Будут меняться века, будут всходить на эту палубу новые капитаны, но только один, в чьем имени звучит ярость и слава, поведет вас к этому острову. На острове том вы обретете все то, о чем только может мечтать доброе человеческое сердце. Так будет!!!» И едва сказал эти слова капитан, как в мачту ударила страшная молния и испепелила и мачту, и капитана.

С тех пор прошло немало столетий. Команда корабля оставалась прежней и не могла сойти на берег ни в одном порту – ведь капитан не дал на это приказа. Сменялись капитаны, но ни один из них не знал пути к Острову, Которому Нет Описания...

– Остров, Которому Нет Описания?! – перебила я. – *Окно?!*

– Да.

– Послушайте, – заговорила я тоном сертифицированного эксперта в области легенд, преданий и пророчеств, – это, вероятно, красивая сказка, поддерживаемая в среде ваших *морских душ*. Но не более! И если вы думаете, что я отпущу своего сына в *сомнительное* путешествие, да еще на *сомнительном* корабле с *сомнительной командой*, то глубоко ошибаетесь! Быть ведьмой не означает быть сумасшедшей и верить всяческим рассказам! Этак можно отправиться на поиски Зачарованного луга, где пасутся воспетые Корнеем Чуковским тянитолкаи! И потом, ваш остров звучит как-то несолидно. Чего уж мелочиться, пусть мой сын сразу отыскивает Атлантиду и сокровища Фрэнсиса Дрейка!

Морские души как-то посмурнели после моего гневного монолога. Авдей время от времени кивал, поддерживая мою вполне логичную и обоснованную позицию.

А Ярослав...

Глаза десятилетних мальчиков – особенные глаза. В них, как в сломанном калейдоскопе, можно увидеть то прекрасный узор, то уродливую злую карикатуру на весь мир. Все зависит от того, как в эти глаза смотреть.

Мы с Ярославом посмотрели друг на друга, и мне захотелось плакать.

– Сынок, – стремясь загнать предательские слезы поглубже, спросила я. – Неужели ты всерьез во все это веришь?

– Да.

– И ты хочешь уплыть к этому Острову? От меня? От папы?

Ярослав захлопал ресницами, и я увидела, что они у него мокрые.

– Яська, как мы будем без тебя?!

– Мама, ну что ты, – неловко, словно глотая кусок ненавистой творожной запеканки, сказал мой сынок. – Я же вернусь. Когда найду этот Остров. А я найду его, потому что он мне снился.

– Хорошо, – я перевела дыхание, готовясь к новой «мозговой атаке» на твердокаменную убежденность сына. – Я понимаю, что тебе хочется отправиться в такое романтическое, прямо-таки волшебное плавание. Но зачем тебе Остров? Чем он так хорош?

Я сказала это и тут же поняла, что окончательно дискредитировала себя в глазах сына. В самом деле, мама, читающая сыну перед сном романы Грина, Стивенсона и Жаколио, способная объяснить разницу между клипером и виндjamмером, помогающая крепить бегущий такелаж на очередной модели, не может задавать таких бытовых вопросов! Кроме того, мой сын уже однажды побывал в плавании на учебном барке «Товарищ». Правда, на момент путешествия сынуля находился в мамином животе и давал о себе знать токсикозом и обмороками. Это десятилетней давности путешествие устроил для меня Авдей, знавший, как я люблю паруса и море. И теперь я спрашиваю своего мальчика, зачем ему чудо?!

– Мам. – Сын словно прочел мою мысль. – Ты же сама говорила, что человек не может жить без сказки. Я уже не могу без Острова. Помнишь, ты читала мне про мальчика, которого держали в темноте, а потом на один миг показали солнце? Он убежал туда, где свет...

И я поняла, что спорить бесполезно и глупо. Мой сын вырос раньше, чем предполагалось, и выбрал Свой Путь. Мы с Авдеем, конечно, можем родительской властью запретить ему это полуфантастическое путешествие. Только запретами ничего хорошего не добьешься.

– Яська, – тихо сказал Авдей. – А возьми нас с мамой с собой. Искать Остров.

– Я извиняюсь, что позволяю себе бестактно вмешиваться в вашу идиллическую семейную сцену, – вылез скелет Константин. – Но, мадам и мсье, где вы видали Настоящего Капитана, который в плавание берет с собой на борт кучу любящих родственников, семейную реликвию вроде прабабушкиного комода и всяких кошек-собачек-хомячков в придачу?! Это, я извиняюсь, смешно. Вот когда ваш уважаемый сын откроет Остров, он вернется и

отвезет вас туда – купаться в водопадах и гулять в мангровых зарослях. Хотя, конечно, насчет мангровых зарослей я таки могу ошибаться...

– Вы правы, сударь, – кивнул головой Авдей, и на мгновение в его глазах уставшего от жизни всезнающего писателя вспыхнул боевой огонь романтики приключений и битв.

– Значит, решено, – подал голос хранитель корабля. – Вы без обиды, гнева и печали отпускаете своего сына искать Остров...

Муж посмотрел на меня.

– Вика, мы все правильно делаем? – спросил он для очистки совести.

– Белинский, не смеши меня. Когда это мы с тобой хоть что-нибудь делали правильно?! – не давая слезам разлиться второй Атлантикой, улыбнулась я.

Яська, паршивец мелкий, ввинтился между нами и принялся обнимать.

– Ну... – Хранитель корабля поднялся из-за стола. – Пора в дорогу?

Он посмотрел на Яську. Однако встретился с моим взглядом и, не выдержав его, опустил глаза.

– Пусть будет по-вашему, – сказал он.

А что? Я разве многого хотела?

Только того, чтобы Ярослав пробыл вместе с нами в Одессе оставшуюся неделю. Уж неделю-то поиски Острова могут подождать!

...И эти семь дней мы провели так, чтобы запомнить их надолго.

Мы втроем гуляли по Одессе, смотрели гастролы петербургского балета в театре, напоминавшем изнутри расшитый золотым бисером алый бархатный кошелек... Купались в прогретом солнцем море, фотографировались с пляжными обезьянками и резиновыми крокодилами, кормили с рук хитрых и поджарых лиманских чаек... Потом были торжества по случаю спуска на воду теплохода «Авдей Белинский», Яська излазил этот новенький туристический теплоход от капитанской рубки до последнего галюна и пришел в полный восторг.

Словом, нам было весело.

И каждый старался не показывать, как на самом деле ему тоскливо и боязно.

Хотя Яська вряд ли тосковал и боялся. Он по характеру – вылитый отец, уже душой был там, среди рваных парусов «Летучего Голландца». И нам оставалось только смириться с этим.

Ночь отплытия выдалась лунной и почти безветренной. Мы в компании одесских морских душ шли по пляжу, галька шуршала под ногами, маленькие пенистые волны коварно старались залить сандалии... Григорий и Константин веселили Славку анекдотами, боцман Бецман, отмахиваясь от своего попугая, рассказывал мужу, как лечить ревматизм при помощи вытяжки чертополоха... Вежливый Сурикян вызвался нести сумку с Яськиными вещами (в последний момент я ухитрилась засунуть туда срочно купленные в универмаге теплые ботинки, брюки и свитер, хотя сын клялся, что в южных широтах это ему не понадобится). А скелет в ермолке ласково утешал меня:

– Мадам, не беспокойтесь за вашего мальчика! Он родился под счастливой звездой...

– Он родился под кометой Хиякутаки...

– Ох, мадам, не надрывайте свое сердце.

Я последовала разумному совету, стиснула свою тоску в кулаке и сосредоточилась на материнских наставлениях:

– Не забывай каждый день чистить зубы! Мой руки перед едой и после посещения туалета!

– Не сквернословь, води себя прилично и аккуратно обращай со своей одеждой! Думаешь, если это корабль-призрак, так уже можно ходить страшным, как вокзальный бомж?!

– Ни в коем случае не пей рома! И вообще никаких напитков крепче молока! Яська, ты слышал, что я сказала?!

– Если ты там станешь курить, я об этом узнаю. Не ручаюсь за последствия.

– Надеюсь, ты понимаешь, что, сойдя на берег в каком-нибудь порту (а вдруг!), ты должен провести свой досуг в библиотеке, а не в баре или борделе... Что такое бордель?.. Это такое место, что-то вроде стоматологической клиники. Ну вот, теперь я спокойна: туда ты ни за что не пойдешь.

– Не вздумай носиться по вантам, лазить на марсовую площадку и кататься на якоре. Ты капитан? Вот и вееди себя соответственно.

– Если на корабле вспыхнет бунт, начинай громко, плавно и размеренно (как я тебя учила) читать «Илиаду». На греческом, конечно! Это сработает лучше, чем пушки.

– Ни в коем случае...

– Не вздумай...

– Даже и не пытайся...

– А вот это исполняй неукоснительно...

– И не забывай про нас.

– И поскорее возвращайся...

На посеребренной тафте морской глади возникают очертания уже знакомого мне корабля и с каждой минутой становятся более четкими и зримыми. На мачтах горят огни святого Эльма. Черные паруса напоминают куски звездного неба.

Мы стоим на пирсе и ждем, когда борт чудо-корабля поравняется с нами. Обычный корабль не смог бы здесь пришвартоваться. А этот – может.

Подают сходни. У фальшборта стоит хранитель «Летучего Голландца».

– Добро пожаловать на корабль, капитан, – говорит он Славке.

У меня перехватывает дыхание. Славка обнимает Авдея и меня, смотрит на нас – счастливо и умоляюще:

– Мне пора!

– Да, – киваю я. – Ступай. Чего уж разводить церемонии...

Славка поднимается на борт и машет нам рукой:

– Все будет хорошо! Я вернусь!

– Да, – шепчу я одними губами и теперь уже всю плачу. – Именно так и будет.

Огни на «Летучем Голландце» вспыхивают ярче, приветствуя своего капитана. Корабль стремительно сливается с окружающей темнотой, и уже через минуту море абсолютно пусто и спокойно, словно и не было никакого корабля.

– Я боюсь за него, – говорит Авдей.

– Не бойся.

Я показываю мужу маленький пластиковый пакетик, в которых обычно продают кулончики или сережки. Только вместо украшений в пакетике – прядка пушистых Славкиных волос.

– У него на груди, в ладанке – прядь моих волос, – говорю я, сглатывая слезы. – Ты не думай, это не пустая сентиментальность. Волосы всегда были проводником чародейной силы, и я как бы установила между собой и сыном волшебную связь. Над его волосами я буду каждый день шептать заклинания, чтобы его путешествие проходило благополучно; а если, не дай Вальпурга, что-нибудь с ним случится, его локоны изменят цвет. Но случиться ничего не должно, потому что я, моя ведьмовская сила – с ним, в пути, в ладанке, которую он носит.

– Так вот откуда пошла традиция обмениваться локонами...

– А ты думал! – Слезы уже прошли, оставив после себя ощущение легкой печали. – Таким образом между близкими людьми устанавливалась крепчайшая ментальная связь, крепчайшая, как волос.

– Волос тонок...

– Да. Только может выдержать подвешенную к нему гирю в несколько килограмм. Впрочем, это уже физика. А я, если ты успел заметить, предпочитаю заниматься магией. Кроме того, если уж пошла речь о защите, Славка заговорен весь – от макушки до пяток – от болезней, от врагов, от шквального ветра, долгого шторма и горького разочарования. Я такой кокон охранительных заклинаний вокруг него сплела! Плазмометом не возьмешь!

– Чем? – Впервые за весь вечер Авдей захохотал.

– Плазмометом. Или этим... молекулярным деструктором. Ну, в общем, всей этой фигней, которой вы снабжаете своих фантастических героев.

– Слушай, Вика, с твоими способностями стране просто не нужна армия.

– В принципе да... Любимый...

– Да?

– Почитай мне стихи, а?

– Ты это серьезно?

– Абсолютно. Ты посмотри, какая ночь! Море, звезды... Сын уплыл на корабле к неведомым берегам... А душе тоскливо. Почитай, Белинский, развею мою печаль.

– Завтра в Одессе выпадет снег, – убежденно заявил муж. – Ты лет пять не просила меня стихи читать!

(А у меня было время их слушать?! Когда трое детей скачут вокруг! Я даже с радио ушла и привыкла к роли домохозяйки – матери семейства. Но об этом лучше не надо.)

Я ласковой кошечкой прижимаюсь к супругу, и он сдается. Хотя в глубине души (я-то знаю) он донельзя счастлив тем, что я попросила его читать стихи. Поэты – они все такие.

Приходит время кораблей,
Когда приходит нужный ветер.
Прости меня. Переболей.
И отпусти ко всем на свете.

Возвышенно-простой чертеж
И дух певучих стройных сосен —
Вот где рождаешься, растешь
И первую встречаешь проседь.

И для тебя звучит, как встарь,
Простой мотив разлук и странствий,
Где солнца золотой янтарь
Расплёснут в голубом пространстве.

И ты увидишь это сам,
Свой домик карточный разрушив.
Да осеняют паруса
Твою измученную душу!

Ничто не держит на земле,
Никто не плачет об ушедших...
Приходит время кораблей,

И волны тихо сказки шепчут.

...Мы гуляли всю ночь и в гостиницу вернулись с рассветными лучами, встретив удивленно-недовольный взгляд администратора: вот, мол, шляются тут некоторые...

В номере я незамедлительно улеглась на диван, потребовала от супруга бокал дайкири со льдом и в результате получила стакан водопроводной неочищенной. В отместку я навела невидимость на его бритвенные принадлежности: пусть поищет-помается!²

Словом, день начинался весело. И я уже планировала, как пойду на Привоз покупать сувениры (муж посоветовал купить коренного одессита, поскольку ценнее этого сувенира в Одессе может быть разве что Потемкинская лестница, но ее не увезешь), но...

Но в дверь номера неделикатно постучали.

– Кто там? – томно протянула я, нежась на продавленном диване.

– Телеграмма!

Я подскочила. Всю мою истому как рукой сняло. Кто это может посылать нам сюда телеграммы? И зачем?

Горничная, держа белый клочок бумаги, смотрела на меня непроницаемым взглядом. Глянула в бумажку:

– Беянина?

– Белинская! – поправила я, кипя от нетерпения. – Давайте телеграмму!

Я развернула бланк, прочитала и сползла по стене на пол возле двери.

– Что?! – страшным голосом закричал муж, склоняясь надо мной.

Я протянула ему телеграмму.

«Мама папа приезжайте срочно Маша сошла ума попала лапы вампира. Дарья»

Авдей помог мне подняться и прийти в себя.

Через двадцать минут мы со всеми вещами уже были на вокзале.

А одесских сувениров я так и не купила...

* * *

...Он был прав, когда сказал, что им еще предстоит встретиться. И произошла эта встреча гораздо раньше, чем рассчитывала Маша.

Когда она после памятной ночи явилась пред очи издергавшейся от волнения сестры, та, увидев Машины синяки и изодранную одежду, кинулась к телефону – вызывать милицию и анонимную службу спасения женщин, пострадавших от сексуального насилия.

– Не звони никуда. Пожалуйста. – Марья попросила сестру таким голосом, что та не посмела противоречить.

Марья сбросила одежду в мусорное ведро (еще раз надеть это?! Увольте!) и нагишом протопала в ванную. Там, глядя на себя в большое зеркало, она оценила количество синяков и ссадин и пожалела, что не знает, где мама прячет свои колдовские снадобья для лечения ран. Она устроилась в ванной, взбив такую пену, что от аромата щипало в глазах. Ей хотелось зажмуриться и забыть напрочь неприятное происшествие, но, как она ни старалась, перед ней назойливо мельтешил этот странный вампир по имени Роман, а в ушах стоял звон от падения обледенелых человеческих тел.

Тут еще явилась Дарья в ночной сорочке с дурацкими вышитыми фиалочками, уселась на стиральную машину и принялась жалостливо смотреть на окутанную мыльной пеной сестру.

² Вообще-то я не очень мстительна. Но иногда я просто стараюсь напомнить окружающим, кем являюсь на самом деле. А окружающие считают это проявлением мстительности моей ведьмовской натуры. – В. Белинская.

– Даш, валила бы ты спать, – для порядка посоветовала Марья, но на самом деле ей хотелось все рассказать. Потому что сестра, хоть и надоедала Марье все эти пятнадцать лет, все-таки заслуживала доверия. И могла дать дельный совет (конечно, если Марья предполагала к нему прислушаться).

– Короче, – подняла Марья из пены свои исцарапанные руки, – дело было так...

Дарья слушала, ахала и ужасалась. В обустроенный ею мирок классической философии мужчины просто не допускались. Пережив в тринадцать лет трагедию неразделенной любви к учителю рисования, Дарья вознамерилась отринуть все чувственное и идти по пути сурового интеллектуального аскетизма. А тут – такое происшествие с сестрой! Дарье хотелось крикнуть: «Я же тебя предупреждала, дурочка!» – но она благоразумно решила не нервировать сестру подобными репликами.

– ...А потом, – рассказывала Марья, – появился тот. С которым я танцевала. Ой, Дашка, это был какой-то ужас!

– Почему ужас?

– Потому что он вампир. И он меня спас.

Дарья хлопнула ротиком, как вытасченный на берег карасик:

– Как вампир? Их же не бывает!

Машка цинично хмыкнула:

– Как же, не бывает... Вон мамкина приятельница, Луиза Борджиа из Музея Востока...

– Разве она вампир? – растерянно спросила Дарья.

– А разве ты не знала? Ей четыреста тридцать лет! Может, ты и про то, что наша мать ведьма, ничего не знаешь?!

Дарья помрачнела. Это для нее было больной темой.

– Знаю. Только это неправильно. Магии не существует. Ведьм не существует. И всякой нежити, вроде вампиров, – тоже. Это сублимация подсознательного стремления человеческого «я» обрести паранормальные силы над стихиями природы, над остальным человечеством...

Машка ехидно захихикала в ответ на эту высоконаучную тираду и принялась намыливать себе голову шампунем, который подарила маме на именины ее японская подруга Инари Павлова-Такобо.

– Не существует, говоришь? Ты это матери скажи, когда она придет. Что она не существует и всего-навсего эта... тьфу, блин, пена в рот попала!.. сублимация.

– И скажу! – Даже в сорочке с фиалочками Дарья выглядела воинственно, как Галилей перед собранием инквизиторов.

– Валяй-валяй. – Марья ополоснулась под душем и вылезла из ванны, сдергивая с крючка банное полотенце. – Так я дальше тебе рассказываю или нет?

– Рассказываешь.

Дальнейшие свои приключения Марья излагала сестре в гостинной, попивая кофе с коньяком (коньяк был нахально и супротив всех родительских запретов похищен из папиного бара при попустительстве Дашки) и стирая с ногтей пооблупившийся маникюрный лак.

– И что же, он их убил?!

– Да, – спокойно кивнула головой Марья. Коньяк оказал на нее чересчур транквилизирующее действие. – Легко. Эти типы замерзли, как сосиски в морозильнике. Нет, еще круче. Потому что они просто раскололись. Как сосульки. От одного удара.

– Машка, да ведь это же убийство! И ты свидетельница!

– Ага. И что я скажу ментам? Это вампир прикончил двух подонков, чтобы спасти меня от изнасилования? Менты³ тоже не верят в вампиров. Как и ты.

³ Вот тут Марья была права. Но узнала об этом много времени спустя. – Автор.

Дашка отобрала у сестры бутылку с коньяком, спрятала ее в бар и сурово сказала:

– У меня создалось впечатление, что тебе понравился этот... сомнительный тип.

– Кто, Ромка?..

– Ах, его зовут Роман! Ромео... Жалко, ты на Джульетту не тянешь!

– Иди ты... – Марье лень было спорить. – Вообще по виду вампирчик – полный отстой.

Ботаник. Но когда он показал свои зубки и крылышки распахнул...

– Не верю! – воскликнула Дарья. – Не ве-рю!

– Да пожалуйста... Ой, а давай я его к нам в гости приглашу. Посмотришь...

Дарья возмутилась:

– Ты что, собираешься с ним встречаться?!

Марья пожала плечами:

– Еще не знаю. Но у меня есть такое предчувствие, что он меня в покое не оставит...

Предчувствие Машку не обмануло. Вампир Роман сидел на скамейке возле ее подъезда уже на следующий день. Марья как раз отправилась за хлебом и увидела его. Ей показалось, что этот несуществующий (по мнению Дарьи) персонаж ждет ее несколько часов подряд.

– Привет, – сказал Роман, поднимаясь со скамейки. – Можно я пройду с тобой?

– Валяй, – разрешила Маша, и они пошли за хлебом.

За хлебом они ходили часа три, словно булочная была не в десяти метрах от дома, а где-то в районе Шереметьево. Но не подумайте чего плохого! Маше просто было интересно пообщаться с вампиром и узнать о его образе... жизни.

...Полуденное солнце жгло немилосердно. Парочка – вампир и ведьмина дочка – усе-лась на скамейке в скверике и стала заливать свою жажду «Спрайтом».

– Слушай! – вспомнила Марья об основных известных ей признаках вампиров. – Вы же боитесь солнечного света! И поэтому спите днем в гробах...

Солнечный блик отразился на стеклах вампирских очков.

– Мне почему-то не вредит солнце, – ответил Роман. – Хотя мой отец, да и другие знакомые вампиры действительно опасаются дневного света. И днем я не сплю. Вообще сплю редко. У меня бессонница, я даже снотворное иногда принимаю, веришь? Я какой-то неправильный вампир.

Марья улыбнулась, фраза показалась ей забавной. Надо же, какие еще вампиры встре-чаются в повседневной жизни!

– И чего же еще в тебе неправильного? Ты кровь не пьешь?

– Да. А как ты догадалась?

(Марья никак не догадалась, сказала первое, что в голову пришло. Но то, что вампир не пьет кровь, ей понравилось.)

– У меня аллергия на гемоглобин, – пояснил Роман свое отвращение к основной состав-ляющей бытия тех, кто охотится в ночи. – Поэтому приходится питаться синтетическими заменителями...

– А мороженое ты ешь?

– Ем... Я все могу есть из человеческой пищи, она мне не вредит. Хотя и вкуса ее я не ощущаю.

– Ну, тогда давай в кафе зайдем. Жарко, просто ошизеть можно!

Вампир вдруг смутился:

– Извини, Маша. Это я должен был тебя пригласить... Сразу не сообразил.

– Да ладно! – отмахнулась Марья. – Церемонии-то разводить...

Кафе «Стрелочка» под зонтиками было в пяти шагах. Но по причине жары и плохого настроения официантки мороженое там отсутствовало.

– Облом, – вздохнула ведьмина дочка. – Вот почему все так в жизни бывает: только чего-нибудь захочешь, как обязательно этого не будет!.. Помню, как-то присмотрела себе

классную юбочку и с продавцом договорилась, а прихожу на следующий день с деньгами – облом! Продали!

– Это еще не самое огорчительное, что может быть в жизни, – заметил вампир. – Маша, если хочешь, мы можем поехать в ресторан. Тебе там понравится.

Конечно, надо было отказаться и вернуться домой с купленным хлебом. Но Роман смотрел как-то настойчиво-умоляюще, и Марья согласилась.

Вампир тормознул проезжавшую мимо «ауди», даже не поднимая руки.

– К центру «Парадиз», пожалуйста, – сказал он водителю.

Центр «Парадиз», в который помимо ресторана входили еще аквапарк, бассейн, солярий, боулинг, варьете и прочие удовольствия, Машу просто потряс: родители стойко противились раннему вовлечению детей в круговорот сладкой жизни. Поэтому Маша никогда еще не была в ресторане (официальные банкеты в честь папы не считаются), а Дарья вообще игнорировала подобные заведения, поскольку считала себя выше всего земного.

Зеркальный зал со стеклянными столиками, фонтанами и маленьким водоемом, в котором плавали лилии, был почти пуст.

– Потрясно! – прошептала Машка. Инстинктивно она взяла за руку своего спутника: если уж их – в пыльных кроссовках, драных джинсах – и выпрут из такого великолепия, то вместе.

– День добрый, Роман Аркадьевич!

...Из-за зеркальной ширмы выплыл мужчина во фраке и, широко улыбаясь, направился к двум подросткам потрепанного вида. Марья тихо ойкнула.

– А вы сегодня не один, Роман Аркадьевич... Какая у вас очаровательная спутница! Обедать будете? Накрыть в отдельном кабинете?

– Нет, – отмахнулся веснушчатый очкарик от навязчивого сервиса. – Мы на балконе посидим. Очень жарко.

– Пожалуйста!

Роман с Марьей «пожаловали». Балконом оказалась стеклянная терраса с прохладным кондиционированным воздухом. Небольшой овальный столик и два плетеных кресла с высокими спинками словно ждали нашу парочку.

Роман шепнул что-то подошедшей официантке, та расплылась в улыбке, закивала и через пять минут поставила на столик две хрустальные вазочки с мороженым, высокие бокалы с чем-то, похожим на полосатое желе, клубнику со сливками и тертым шоколадом...

– И цветы для девушки. За счет заведения. – Официантка, подмигнув вампиру, водрузила на столик корзинку с великолепными чайными розами, от одного вида которых у Маши (мальчики еще не дарили ей цветов!) перехватило дыхание, и она пожалела, что на ней надето не какое-нибудь бальное платье, а старые шорты и майка, совершенно не подходящие к роскоши «Парадиза»...

– Тебя здесь знают, – полувопросительно-полуутвердительно сказала Марья, принимаясь за мороженое.

– Да. Я часто бываю здесь с отцом. Не для того, чтобы есть, а так: встречи с заказчиками. Положение обязывает.

– А чем ты занимаешься? – спросила Марья и тут же выругала себя за глупость: чем еще может заниматься вампир, кроме охоты на невинных жертв. Несмотря на то что у него аллергия на кровь. Аллергия еще ни о чем не говорит. Тех двух парней он убил и даже не почесался...

Однако ответ прозвучал неожиданно:

– У нас семейная фирма «Кадушкинъ и Сынъ». Производство элитной офисной и домашней мебели по индивидуальным заказам. Отец почти три столетия занимается мебелью. Начинал он вообще как простой столяр-краснодеревщик. Со временем сделал карьеру,

создал собственную фирму. Потом привлек к этому и меня. Я закончил Академию художеств, позднее, уже в настоящее время, изучил дизайн, графику, проектирование. И теперь делаю эскизы столов, комодов, диванов... Кстати, видела обстановку президентского кабинета в Кремле? Папина работа.

Маша слушала это с нескрываемым удивлением. Как же так! Вампир, дитя Тьмы, должен заниматься чем-то особенным, демоническим. Прятаться в склепах и пугать прекрасных девственниц! Заманивать доверчивых клерков под сумрачные своды древних замков и доводить их до умопомешательства диктовкой своих мемуаров! Но мебель... Что может быть зловеще-романтического в диване? Разве только скрип...

Вампир, наверное, прочел Машкины мысли.

– Я понимаю, – сказал он, – тебе это неинтересно. Но я же говорил – я неправильный вампир.

– Почему неинтересно. Очень даже... Просто странное... занятие.

– Не хочется обижать отца, поэтому я ему и помогаю. А для себя я рисую. Немного...

– Пейзажи? – с видом разбирающегося в живописи человека спросила Марья. Один из папиных друзей был художником.

– И пейзажи. Но в основном – иллюстрации к фантастическим произведениям.

– Вау! Так это твои рисунки печатают на обложках?

– Нет, – грустно ответил вампир. – В издательствах говорят, что у меня слишком спокойные сюжеты. И все героини выглядят очень скромно, как монахини. В общем, я не вписываюсь в конъюнктуру. Со временем я попробую иллюстрировать детские сказки. Думаю, получится.

– Ты молодец. Вот у меня никаких полезных увлечений нет. Так говорит моя мама. Она меня постоянно воспитывает. Уже достала своими лекциями о правильном поведении и выборе смысла жизни... Вот Дашку никто не воспитывает, моя сестрица сама кого хочешь воспитает, до того продвинутая. А я, как говорят предки, легкомысленная девица. Вот на фига мне смысл жизни? В чем он, этот смысл?

– Иногда в том, чтобы быть человеком, – тихо произнес вампир, но увлекшаяся полосатым желе Маша этой фразы не услышала.

...После ресторана они пошли в парк, хотя в принципе Марья презирала все эти качели-карусели, воздушные шарик и комнаты смеха, считая, что она уже вышла из возраста, в котором пышный клочок сладкой ваты на липкой палочке является пределом мечтаний.

Но в парке было хорошо. Среди липовых аллей не так ощущалась жара, били фонтаны, отцветающие тюльпаны никли на клумбах... Марья понимала, что давно пора домой, что она выглядит смешно – с корзинкой роз в одной руке и авоськой с хлебом – в другой, но ее новый приятель оказался таким интересным собеседником!

(В самом деле, когда ты ходишь по этой земле уже двести лет, тебе есть что порассказать понравившейся девушке.)

А девушка, поскольку была легкомысленной и на момент знакомства с вампиром никем не увлеченной, легко поддавалась тому странному обаянию, которое все сильнее и сильнее проявлялось в сублимного вида парнишке. Ведь общеизвестно, что вампиры могут очаровывать своих... потенциальных жертв.

Впрочем, вряд ли Марья Белинская превратилась в потенциальную жертву вампира. Скорее, это очкастый вампир пал жертвой Машкиных худых коленок, длинных, обесцвеченных перекистью волос и такого выражения лица, про которое папа Авдей говорил с восторгом: «Вылитая Викка!»

– Маша, смотри, комната ужаса. Зайдем?

– Давай. – Марья рассмеялась, представив, как она будет пугаться нарисованных на картоне монстров, когда за руку ее держит вампир.

Монстры, подсвеченные красными лампами, не впечатляли. По комнате ужаса, кроме Маши и вампира, бродило с пяток пацанят мелкого возраста. Пацанята с видом знатоков поясняли друг другу:

– Скелет пластмассовый. Колька в прошлый раз у него какую-то фигнюшку отвертел, он с тех пор не двигается...

– Разве у настоящих мертвецов такие руки бывают? Налили краску и думают – похоже...

– Зырьте, пацаны, это, типа, вампир. Ха, клыки картонные! А внутри магнитофончик спрятан, чтобы выл!

Тут Роман притянул к себе Машу и прошептал ей на ухо:

– Хочешь, я их напугаю? Им же скучно... У них впечатлений будет потом на целую неделю... А ты мне подыграешь, ладно?

Машка тихо рассмеялась. Ей идея понравилась.

– Я кого буду изображать? – спросила она.

– Попавшуюся в мои безжалостные руки жертву!

– Ладно...

Роман ушел в самый дальний и темный угол комнаты, а Марья принялась старательно изображать свое одиночество и запуганность всякими монстрами. Пацанята вскоре обратили внимание на великовозрастную девицу, которая пищит от ужаса при виде свисающих с потолка резиновых летучих мышек.

– Во, дура здоровая, боится, – презрительно глянул на Марью пацанчик высотой с тумбочку.

Мальчишки развернулись, чтоб уходить, и Марья поняла, что ей надо проявить инициативу и задержать их.

– Ребята, – проскулила она, указывая на темноту, в которой скрылся Роман. – А в прошлый раз в том углу был настоящий вампир! Он как завоет, как напугает!

– Нету там никого, – авторитетно заявил мальчик-тумбочка. – Там только швабра и ведро. Мы все тут излазили. Нету вампира.

– Ах, говорите, меня нету-у-у?! – Замогильный, леденящий душу голос донесся из упомянутого угла.

Мальчишки вздрогнули.

– Наверное, новую куклу поставили. С компьютером внутри, – с дрожью в голосе предположил все тот же мальчик.

...И тут Роман явился во всем своем ужасающем великолепии!

Глаза горели мертвенным голубым огнем. С длинных клыков капало нечто красное. На растопыренных пальцах выросли острые кривые когти.

Вампир, покачиваясь и вытянув руки, шел на публику.

– Кто потревожил мой сон?! – завывал он. – Я хочу крови! Дайте мне крови!

– Робот, наверное... – услышала Марья за спиной восхищенно-испуганный шепот.

Роман подошел к Маше и схватил ее за плечи:

– Дай мне крови! – И шепотом: – Изобрази обморок. Я тебя крепко держу...

Машка вскрикнула:

– Ах! – и изображала.

– Жертва! Моя жертва! – играл на публику Роман. Публика, отбежав поближе к двери, наблюдала и ужасалась.

Технически подкованный мальчик сказал было:

– Это просто трансформер...

Но в этот момент вампир выпустил крылья и взлетел к потолку, держа в объятиях «бесчувственную» Машу. Мальчики с писком и визгом дунули из комнаты ужаса. Только двери захлопали.

– Эх, – огорченно сказала Марья, опускаясь вместе с вампиром на пол. – Не дождались они момента, как ты меня кусать будешь.

Они расхохотались, глядя друг на друга. Потом вампир как-то посерьезнел, сложил крылья, надел очки и сказал, глядя куда-то в сторону:

– Извини. Глупости это, конечно. Тебе, наверное, неинтересно со мной...

Марья, в этот момент поймавшая себя на крамольной мысли о том, когда же они начнут целоваться, покраснела и выдавила какую-то глупую фразу типа «Да все нормально»...

Когда они вышли из комнаты ужаса, щурясь от яркого солнца, то увидели возле кассы огромную очередь и тех самых пацанят, захлеб рассказывающих о том, что теперь появился новый аттракцион – голографический вампир. И выглядит совсем как настоящий!

– Тебе можно в кино играть, – сказала Маша.

– Пробовал.

– Серьезно?!

– Да. Только никуда, кроме «Ералаша», меня не принимают.

В конце концов Марья вспомнила, что ушла из дому полдня назад.

– Мне нужно домой, – сказала она. – Я же за хлебом пошла. А то сестра в милицию начнет звонить.

– Я понимаю, – кивнул вампир. Рядом с ними как по волшебству остановилось такси. – А ты скажи, что в магазине была очередь...

Вампир проводил Машу до дверей квартиры.

– Может, зайдешь? – из вежливости спросила Маша. На самом деле ей хотелось побыть одной. По естественной, но деликатной причине.

– В другой раз... – Роман наверняка прочитал ее мысли.

– А...

– Давай завтра съездим на пляж... Или сходим в кино. Куда хочешь.

– Ладно. Ты ведь придешь?

– Обязательно.

– Ну, пока... – Марья открыла дверь квартиры.

– Пока... – Вампир, игнорируя лифт, зашагал вниз по ступенькам.

Когда за Машей хлопнулась дверь, он остановился, достал из кармана джинсов красный мелок и написал на стене лестничной площадки:

МАШЕНЬКА

Воровато огляделся, распустил крылья и спланировал вниз из открытого по случаю жары окна.

...Следующим вечером, ближе к шести, вампир снова ждал Машу у подъезда, предварительно позвонив по телефону. Марья, настроение которой было испорчено очередной нравоучительной беседой с Дарьей, вышла на прогулку с мрачным видом. Но настроение у нее сразу улучшилось, едва к ней подошел Роман и протянул букет цветов, на сей раз альпийских фиалок.

– У тебя очень красивое платье. И ты сама... тоже, – смущаясь, как положено смущаться шестнадцатилетнему неиспорченному мальчику, сказал вампир.

– Спасибо за комплимент! Куда мы идем сегодня?

– Если ты не против, то давай поедem в Измайловский сад.

– Не против. А что там особенного?

– Там красиво. И... неподалеку офис нашей фирмы. Если захочешь посмотреть...

Марья, до сего момента интересовавшаяся тусовками, экстремальным макияжем и последними сплетнями из жизни знаменитых диджеев, отчего-то согласилась на такое скромное времяпровождение.

Среди чистеньких березовых аллеек Измайловского парка бродила скромная публика, никто не пялился ни на Машу в ее сшитом из японского шелка легком платье, ни на Романа, распустившего по спине крылья как темный плащ.

– Если их долго держать в сложенном состоянии, кожа пересыхает и шелушится, – объяснял вампир. – А летаю я мало, куда мне в принципе летать? Поэтому я иногда не прячу крылья.

– А если кто-нибудь заметит?

– Вообще-то я могу сделать так, что меня совсем перестанут замечать, будто я невидимка. И зеркала не будут меня отражать. Но это лишнее. Люди очень ненаблюдательны и рассеянны. Они мало к чему присматриваются. А если и замечают что-нибудь особенное, то предпочитают не верить своим глазам...

Произнеся эту тираду, Роман посмотрел на Машу очень грустными глазами. Мол, пожалей меня, я никому не нужный и никем не замечаемый вампир, у меня бессонница, аллергия, крылья шелушатся, веснушки на носу, и современные девушки не влюбляются в мои веснушки и крылья...

Маша от такого взгляда смутилась. Если учесть, что это было их третье свидание, то по неписаным правилам проведения свиданий девушке во время третьей встречи полагается слегка кокетничать, делать чуть томный вид и изъясняться туманными намеками на тонкие материи вроде вечной любви и романтической верности (при условии, что кавалер – приличный парень, а не обалдуй, которому только и надо, что залезть девушке под юбку).

Роман же, похоже, взял инициативу в свои вампирские руки. Мало того что букеты дарит, так еще и смотрит на Машу так, словно она – его единственная радость на этой земле. Для третьего свидания рановато. Хотя приятно сознавать себя объектом такого пристального внимания...

Маша березовой веткой отмахивалась от комаров. Ей они ужасно надоедали, а к вампиру не смели даже приблизиться.

– Везет тебе, – шутливо сказала на это Марья. – Комары на тебя не садятся.

– Я могу сделать тебя вампиром...

Волна неожиданного холода прошла по ее телу. Даже зубы заныли. Маша резко остановилась и, дрожа как в лихорадке, посмотрела на своего спутника.

Сказал он это вслух?

Или ей почудилось?

– Что с тобой? – заботливо спросил ее Роман, осторожно коснувшись рукой прикрытого шелком девичьего плеча.

Маша перевела дыхание. Озноб прошел. Она посмотрела на вампира, тот ответил ей чистым, совершенно человеческим взглядом.

Почудилось.

Наверное.

– Я устала ходить, – сказала ведьмина дочка. – Давай присядем где-нибудь.

– Хорошо. – Вампир мягко взял ее за руку. – Вон там есть скамейки.

Все скамейки оказались заняты. В основном целующимися парочками и распивающими пиво трио.

– Нам не везет. – Роман явно был доволен таким исходом дела. – Маша, давай я буду носить тебя на руках.

Сердце у Маши сладко екнуло, но она гордо сказала:

– Ты что, обалдел?

– Тогда пойдем в наш офис. Ты там отдохнешь, я приготовлю чай или кофе. Или коктейль.

– А... это нормально?

– Нормально. Заодно посмотришь мебель, которую мы делаем. Может, тебе понравится.

Снаружи головной офис фирмы «Кадушкинъ и Сынъ» выглядел длинным двухэтажным зданием унылого стального оттенка. В широких окнах отблескивало солнце. Перед входом стояло с десятков иномарок.

– Это машины сотрудников, – пояснил Роман. – Рабочий день уже закончился, но многие остаются из-за поздних клиентов.

– А кто у вас в фирме работает: люди или...

– Или. Но ты не подумай чего плохого. Это просто традиция фирмы. Кроме того, некоторым вампирам трудно работать в одном с людьми коллективе...

Маша вопросительно глянула на вампира.

– Не у всех вампиров аллергия на кровь, – сказал тот.

Когда Маша вошла с Романом в офис, ей показалось, что она попала в чей-то дом с множеством комнат и комнатушек, обставленных прекрасной, стильной мебелью.

– Это демонстрационный зал, – пояснил вампир. – Здесь образцы интерьеров. Этим занимаюсь я. Вот, кстати. – Он подвел Машу к уголку, где располагалась мини-гостиная. – Мой проект. Нравится?

Маша ничего не понимала в мебели. Какая разница – кожаный диван с двумя подушками или плюшевая софа с тремя? Главное, чтобы сидеть было удобно. Но Роман явно ждал похвалы, и Маша сказала, чтобы не обидеть его:

– Классно.

Вампир-дизайнер расцвел.

Потом он привел Машу в свой рабочий кабинет, где стены были увешаны эскизами стульев и комодов, усадил ее в кресло и вышел с обещанием вернуться через десять минут и принести кофе и бутерброды для своей утомленной прогулкой пассии.

Пассия же, едва за вампиром захлопнулась дверь, вскочила с кресла и принялась осматриваться.

Как оказалось, кабинет Романа Кадушкина состоял из двух частей. За дверью из матового стекла была маленькая светлая комнатка, похожая на мастерскую художника. Стояли два мольберта: большой и поменьше, на столе разбросаны коробки с красками и пастелью, к стенам приколоты листы с рисунками. Эти рисунки Маше понравились больше.

«Он же настоящий художник!» – ахнула она про себя, разглядывая наброски карандашом.

Потом она повернулась к большому, в половину ее роста мольберту, чтобы посмотреть, что изображено на натянутом холсте.

И тихо вскрикнула, увидев себя.

Только написанная маслом Маша выглядела чуть старше пятнадцати лет и стояла на холсте гордая и прекрасная, как королева. И наряд был королевский: длинное, с горностаевым шлейфом платье из алой парчи. И в руке та держала скипетр, а голову ее венчала корона.

– Тебе нравится? – спросил Машу бесшумно подошедший к ней со спины Роман.

Маша даже взвизгнула:

– Как ты меня напугал!

- Извини, пожалуйста.
 - Ой, нет, это ты извини. Я без спроса зашла в эту комнату.
 - У меня нет от тебя тайн. Так тебе понравилась картина?
 - Да. Только... Разве я такая?
 - Такая, – с какой-то торжественной серьезностью ответил вампир.
 - Ты замечательный художник! Правда...
 - Живопись отвлекает... от мрачных мыслей, – как-то загадочно сказал вампир.
 - А почему у тебя мрачные мысли? – скокетничала Маша. Мол, как это могут появиться мрачные мысли, если Роман находится в ее прекрасном обществе?!
- Вампир смущенно потер переносицу и вдруг прочел:

Пожалуй, стану рисовать
Тот дом, в котором мы когда-то
С тобой любили жить богато
И не любили рисковать.
Тыставляла там в окно
Герань, зацветшую пурпурно.
А я писал там каламбур, но
Ведь это было так давно!
Мы завели кота, и кот
Мурлыкал, ластился и охал...
Его я нарисую охрой,
Округло, нежно и легко.
А где теперь тот кот и дом —
Картинка в раме, над кроватью...
Зачем же начал рисовать я?
Чтоб не забыть о счастье том...

Маша хотела было спросить, кто та, которая в Ромкином стихотворении увлекалась разведением герани, но вампир уже, видимо, сам застенялся своего поэтического всплеска и потому весьма будничным голосом предложил:

- Пойдем кофе пить.

Маша подчинилась и пошла пить кофе и листать роскошные глянцевые каталоги мировых мебельных фирм. И больше не разговаривала с вампиром о портрете девушки в королевском платье, изображавшем на самом деле графиню Варвару Кадушкину, в девичестве Собаньскую, почившую во цвете лет и бывшую матью художника Романа.

...Когда они, как обычно, прощались возле Машкиной квартиры, дверь неожиданно открылась и на пороге появилась источающая ехидство Дарья Премудрая.

- Добрый вечер, – ядовито улыбаясь, поприветствовала она парочку. – Нагулялись?
- А тебе какое дело? – моментально вспыхнула Маша, а вампир смущенно потупился.
- Мне-то – ничего... И что, – Дарья оценивающим взглядом окинула Романа с головы до пят, – это и есть тот самый вампир?

– Тот самый, – покаянно подал голос Кадушкин-младший. – Позвольте представиться: Роман.

- Я в курсе. Как меня зовут, вы наверняка знаете.
- Дарья, простите, вижу, вы не в настроении. Я уже ухожу. Маша, я позвоню завтра.
- Нет, отчего же! – чуть ли не хором воскликнули обе сестрицы. – Заходите к нам! Будем ужинать...

Роман поломался для вида, но вошел.

В коридоре он немного задержался.

– Ваша мама молодец, – сказал он сестрам. – Поставила такое защитное поле мощное. К вам сюда не проберется ни одно враждебно настроенное существо.

– Не понимаю, – надменно сказала Дарья.

– Дашка не верит в магию, отрицает существование ведьм, вампиров и всех прочих. Ты, Рома, с ее точки зрения, не существуешь.

– Машка, прекрати свою неуместную иронию. Не вижу ничего смешного в том, что у человека есть свои убеждения! – отрезала Дарья. – Чем питается твой вампир? Крови у нас в холодильнике нет.

– У него аллергия на кровь. Можешь не волноваться.

Компания расположилась в гостиной, где на полках дремали старые модели парусных кораблей.

– Здесь очень уютно, – похвалил обстановку вампир-дизайнер.

– Да? А я считаю это мешанкой экзотикой, – срезала вампира Дарья. Она вообще держалась напряженно, видимо, не могла определить, как ей относиться к вампиру: то ли признать его существование, то ли продолжать изображать из себя диссидента в лагере конформистов.

– Дашка, не порть настроение. Скажи, что тебе просто завидно: я гуляла, а ты, какмышь, все сидишь со своими книжками...

– Ничего подобного! Было бы чему завидовать! Пустое времяпровождение.

– А вот и не пустое! Между прочим, Рома работает дизайнером интерьера. Вот. А еще он настоящий художник...

Дарья скептически поджала губы. Видимо, ей хотелось услышать, что этот гнусный вампир работает в морге или в ритуальной конторе. Другие профессии не подходили к его имиджу.

Однако хитрый вампир знал, как польстить неприступной Дарье.

– А кого вы сейчас читаете, Даша? – спросил он.

– Камю.

– «Бунтующий человек»? Помню, читал. В переводе его сложно воспринимать, поэтому я предпочел подлинник. Я слышал, вы увлекаетесь философией... Скажите, Даша, а как вы относитесь к философии последователей августинизма? Вам интересна антропологическая концепция Эриугены?

Дарья приуныла. Августинизм и Эриугена были ей не по зубам.

И тут вампир сразил юную интеллектуалку окончательно.

– Homo sum et nihil humanum a me alienum puto, – с правильным римским «h» произнес он. – Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Впрочем, в моем случае следует говорить: «Я вампир, и ничто человеческое мне не чуждо». Я очень рад знакомству с вами, Даша. Хотите, я принесу вам весьма интересную книгу. «О существах несуществующих». Она написана неизвестным автором где-то в конце пятнадцатого века. Там много написано о таких, как... я.

– Принесите...

Марья, ревниво следившая за этим диалогом, вдруг поднялась с дивана:

– Не буду вам мешать! – и ушла на кухню.

Роман вскочил за ней следом:

– Маша!

На кухне Марья принялась яростно драить пастой и без того блестящую мойку.

– Маш, ну ты чего? – жалобно спросил вампир у рассерженной девицы.

– Ничего! – фальшиво отвечала та. – Просто не хочу мешать такой... ученой беседе.

Вампир помолчал, а потом вдруг обнял Машу и прижался щекой к ее затылку.

– Какая ты еще девочка, Маша, – грустно прошептал он. – Милая маленькая девочка. Марья замерла, не зная, как отнестись к такому афронту.

– Я пойду, – сказал вампир и поцеловал Машу в затылок. – Встретимся завтра...

Он с неуловимой скоростью переместился к кухонному окну, распахнул его, вскочил на подоконник...

Машка, прижав к груди перемазанные чистящей пастой руки, смотрела вслед темной тени, мелькнувшей за окном.

– Ты чего? – спросила ее вошедшая в кухню сестра. – А где твой вампир?

– Улетел...

Даша поцелкала перед носом сестры пальцами. Никакой реакции.

– Загипнотизировал, – сказала она.

– Дашка! – восторженным шепотом обратилась Марья к сестре. – Знаешь что? Я, кажется, влюбилась.

– В него?

– Да.

...Через два дня после вышеприведенного разговора Дарья и отправила телеграмму родителям в Одессу. Потому что Марья пошла на свидание с вампиром Романом Кадушкиным и не вернулась домой.

* * *

В квартире штормовым предупреждением висела тишина. Нехорошая, напряженная тишина, грозящая мощным катаклизмом или уж, по крайней мере, крепко замешенной ссорой.

Я сидела грозная, как Клеопатра на корзине со змеями, и выслушивала бестолковый рассказ моей дочери Дарьи. Дарья, в обычном своем состоянии известная как девушка скептического ума и острого языка, под моим суровым материнским взглядом терялась и никла, словно плакучая ива.

– Даша, не темни, – постучала я пальцем по ручке кресла. – Это с твоей стороны непорочно. По отношению к сестре и ко мне. Если у вас произошла очередная ссора и Марья из-за этого сбежала из дому, то к чему придумывать какого-то несуществующего вампира? Это что, новый приступ твоей экзистенциальной фантазии?

– Не приступ это! – со всхлипом крикнула дочь.

С того момента как мы с Авдеем вернулись домой, она редела почти беспрестанно, как в годы своего раннего детства. От этого нос бедной Дашуты распух, глаза покраснели, а голос приобрел интонации простуженного патефона. Дашку было жалко, но я держалась непреклонно: когда из дома исчезает одна дочь, другая наверняка в этом замешана. Тем более что однажды подобная ситуация уже имела место лет шесть назад: поссорившись с Дашкой то ли из-за куклы, то ли из-за новой компьютерной игрушки, Марья вспылила и усвистала на дачу к моей подруге Инари. Благо, тогда беглянку быстро вычислили и вернули в родные пенаты. А сейчас... Что там Дашка городит про вампира? Она, которая напрочь отрицает их существование?!

– Я не лгу! Все было именно так! Машка познакомилась на танцах с вампиром. То есть это позднее выяснилось, что он вампир... Они встречались.

– Что, ночью?! – ахнул Авдей.

– Нет! Днем. – Даша шумно высморкалась. Я поморщилась. Несмотря на возраст и увлечение философией, дочь в некоторых моментах оставалась ребенком, которого надо еще учить, как нос вытирать.

– Даша, вампиры, если это, конечно, *вампиры*, днем спят.

– А этот не спит. У него бессонница! Маша говорила...

– Ну-ну. И что еще «говорила» Маша?

– Что он не пьет кровь, потому что у него аллергия на гемоглобин. Что он рисует, а еще он читал Эриугену и знает латынь! Ну почему вы мне не верите?!

– Потому что это звучит неправдоподобно. Особенно из твоих уст. Зная твое неприятие всего сверхъестественного...

– Mamочka, пожалуйста, поверь мне! Мы с Машкой не ссорились. Нет, ну цапались так, по мелочам, но чтоб она из-за этого из дому сбежала...

У дочери были глаза честные, как у работников российского Монетного двора. Я вздохнула. И осмыслила происшедшее.

Происшедшее мне не понравилось.

Если моя дочь связалась с вампиром, ничего хорошего ждать не приходится.

Поймите меня правильно. Мне чуждо видовое неприятие какой-либо нежити. Среди моих знакомых, помимо обычных людей, есть и вампиры. Один даже был моим непосредственным начальником, когда я еще работала ведущей радиоканала. Но я четко соблюдаю дистанцию: вот моя (и моих близких) жизнь, а вот – бытие inferнальной нежити. И я не желаю менять существующий *modus vivendi*.

...Значит, на латыни говорит вампир. Оригинально.

– Где Машкина записная книжка? – спрашиваю я. – Там наверняка есть телефон или другие координаты этого... Кадушкина.

– Нету. Я уже смотрела. Я только помню, Машка рассказывала, что его отец, ну, отец вампира, занимается мебелью.

Еще не легче.

– Гробы, что ли, делает? – Из меня непроизвольно лезет черный юмор. Дашка опять принимается реветь, а муж смотрит на меня с глубоким осуждением.

– Не гробы-ы-ы! Диваны-ы-ы! Mamочka, почему ты мне не вери-и-ишь!!!

Я обнимаю дочь и прижимаю ее непричесанную голову к своей груди.

– Успокойся, Дашута, маленькая. Верю я тебе. Не реви. Все мы выясним.

Мокрый дочкин нос утыкается мне в шею. Дурешка моя бестолковая. Никакой Кант тебе не поможет, когда придут неприятности. Вот мама – другое дело.

– Авдей, выясни по справочнику «Вся Москва», есть ли где-нибудь упоминание о мебельном производстве Кадушкина! – кричу я мужу, который в соседней комнате занялся розыском исчезнувшей дочери через компьютер.

– Уже! – откликается он. – Фирма элитарной мебели «Кадушкинъ и Сынь». Адрес: Киево-Печерский проезд, 11, строение 2. Есть телефон и e-mail.

Муж входит в комнату собранный и подтянутый, как полководец перед сражением. Телефонную трубку он держит у уха, словно собрался отдавать приказ о начале военных действий.

– Алло, фирма «Кадушкинъ и Сынь»? Замечательно. Нет, я не собираюсь заказывать у вас спальный гарнитур. Девушка, меня не интересуют образцы обивок! И образцы сервировочных столиков тоже! Как я могу поговорить с вашим директором... Черт, это же был автоответчик.

Муж растерянно опускает трубку и смотрит на меня.

– Так. – Я осторожно отстраняю дочку и встаю с кресла. – Нам придется туда ехать. Авдей, вызови такси. Не будем терять времени.

Но такси муж вызвать не успел.

В дверь позвонили, а потом принялись колотить. Вероятно, ногами.

– Машка вернулась! – завопила Дарья и кинулась открывать.

Мы полетели следом. Неотчетливо понимая, зачем нашей родной дочери стучаться в дверь, если у нее должны быть свои ключи...

– Ой.

Дашка, открывшая дверь, отступила к нам, под защиту родительских рук. А в дверном проеме стоял, глядя на нас ледяными, искрящимися глазами, вампир.

Стоял и не решался войти.

– Благословение этому дому и живущим в нем, – наконец произнес он положенное среди детей Тьмы приветствие. После него я, как ведьма и хозяйка дома, должна была сказать: «Войди и ты под благословенную сень», или послать незваного гостя ко всем демонам преисподней. Однако мне дочка не дала рта раскрыть.

– Это он! – закричала она. – Вампир Роман Кадушкин!

Она кинулась к вампиру, который, на мой взгляд, имел внешность скромного юноши-отличника, и заколотила кулачками по его груди:

– Куда ты дел мою сестру?!

Я посмотрела на юношу *истинным зрением*. Тот встретил мой взгляд без страха и смущения. Нет, все-таки вампиры наглые. Самоуверенные. И никакого почтения к старшим!

Пресловутый Роман легко повел рукой, и моя дочь отлетела от него, затормозив головой о папин живот.

– Ты что себе позволяешь, нежить проклятая! – Аж задохнулась я от справедливого возмущения.

Бледный вампир стал мертвенно-бледным.

– Не смейте так говорить! – блеснул он клыками и попытался сделать шаг в прихожую.

– *Запрет на вход!* – вытянула я вперед правую руку с выгнутой лодочкой ладонью. Из ладони скользнула раскаленная искра и шарахнула по вампиренышу хорошим упреждающим разрядом. Тот отступил.

– Зачем вы так, ведьма? – с укоризной спросил он. – Почему вы не пускаете ко мне Машу?

– ЧТО?!!

И на вампира обрушился шквал нашего негодования.

– Маша пошла два дня назад на встречу с тобой и не вернулась! Что ты с ней сделал?! – Это Дарья.

– Как ты посмел общаться с живым человеком?! Она тебе не жертва! – Это я.

– Я тебе уши надеру, засранец! – Это Авдей. Выражается с позиции грубой мужской силы.

К чести вампира следует отметить, что он терпеливо ждал, пока поток наших обвинений иссякнет сам собой, и не подавал никаких реплик. Только глаза его пылали так, что в прихожей можно было не включать света.

В конце концов мы примолкли, понимая, что речами толку не добьешься. И выжидательно посмотрели на вампира Кадушкина.

– Я даю слово чести вампира, что не видел Марию с тех пор, как расстался с ней в вашей квартире. Я ждал ее все это время, думая, что она просто не может прийти на свидание. Потом решил, что вы не пускаете ее ко мне. А теперь... Я и сам не знаю, что делать.

И вампир поступил совершенно не по-вампирски. Уселся на пол возле плинтуса, обхватив руками тощие коленки и тоскливым взглядом уставился в никуда.

– Ты в дверях-то не сиди, – сказала я ему. – Геморрой наживешь. Давай думать, где и как нашу девушку искать.

И, вздохнув, сняла заклятие, запрещающее вход.

...Магический кристалл, как ни пыталась я его о местонахождении дочки, выдавал всякую чепуху: то каменные казематы из старой игры «Вольфенштейн», то кладбище, то вообще сплошной темный лес. Я в сердцах стукнула по нему хорошенько, и по блестящей сфере заструились помехи.

– Завис, собака, – беспомощно сказала я.

Вампир вздохнул, хотя это было для его племени нехарактерно. Насколько мне известно, вампиры не имеют потребности в дыхании. Видимо, остались рудиментарные рефлексy после инициации...

Дарья, моя завзятая материалистка, замороженно вглядывалась вместе со мной в глубину кристалла. Хмурила бровки и грызла ногти (когда же я отучу ее от этой привычки!). А потом, когда я отодвинула бесполезный магический предмет, вдруг воскликнула:

– Я вспомнила!

Мы так и подскочили.

– Давай, колись, дочура, – задушевно предложила я.

Дарья еще интенсивнее принялась за ногти.

– Я даже не знаю, как об этом сказать. Вы смеяться будете. Скажете, ерунду всякую несешь.

– Не тяни.

– Да. – Дашка с треском отгрызла ноготь на правом мизинце и принялась рассказывать: – Дело в том, что как раз два дня назад я видела как бы сон...

– Как бы?!

– Не знаю, что это было. Со мной раньше такого не случалось. Наверное, от жары и оттого, что я все время думала о свиданиях Машки с... ним. Я же за нее волновалась! И поверить не могла, что на самом деле существует *всякое такое*. Учтите, я и сейчас не верю.

– Ладно, ты ближе к сути, как говорил твой любимый Гегель.

– Я сидела на балконе, читала «Толкование сновидений» Фрейда. Маша как раз ушла на свидание...

– В котором это было часу?

– Где-то около шести вечера, я еще подумала: охота Машке бродить в такую жару, ведь даже вечером жуткое пекло. Вот. И я сидела, читала, а потом, наверное, задремала. Потому что увидела, как Маша идет на кладбище, то самое, которое было в кристалле. И кругом темно, холодно... А потом я увидела большой склеп, как в ужастиках показывают. Возле входа стоят два каменных ангела и пальцы прижали к губам: ч-ш-ш! А над дверью герб какой-то висит, почерневший. Машка открыла дверь и вошла в склеп. Там, посередине, на постаменте, стоит гроб без крышки. И Машка в него ложится...

– И крышка закрывается, – закончила я. – Перегрелась ты на солнце, доченька. И Фрейда тебе еще читать рановато.

– Мам, вот ты ехидничаешь, а я знаешь как кричала от страха! И проснулась.

– Что ж, значит, ты у нас сновидица. А может, ясновидящая?

– Не знаю, – с отчаянием в голосе ответила Дарья. – Только это кладбище я видела в моем кристалле.

Я задумалась.

– Нет. Это нереально. Чтобы Маша пошла на кладбище?! Ложиться в гроб? Но даже если мы допустим, что твой сон был вещим и с Машей все подобным образом произошло, где мы отыщем то кладбище и тот самый склеп?

– Даша, а вы не разобрали надпись на том гербе? – неожиданно подал реплику вампир.

– Нет... Там не по-русски было написано. Правда, одно слово, кажется, помню. «Astra».

Вампир резко встал с облюбованного им подоконника.

– Я знаю, где находится этот склеп, – сказал он.

...Давненько я не бывала на кладбищах.

А точнее сказать, я их принципиально избегаю.

Из моих родственников и друзей туда никто пока, благодарение небесам, не переселился. Поэтому у меня не было дорогих сердцу могил и я не принимала участия в траурных процессиях. Мое Ремесло, конечно, обязывало меня посещать кладбища, если б была нужда в таких ингредиентах для ворожбы, как кости мертвецов, земля с могил (некоторые дилетантки считают, что с ее помощью отлично наводится порча) и раскормленные кладбищенские черви.

Словом, кладбища – это не моя стихия.

Особенно такие старые и заброшенные.

Даже при дневном свете кладбище выглядело зловеще. За покосившейся, кое-где обмотанной ржавой колючей проволокой оградой кустилась дурман-трава и волчья ягода. За широкими стволами деревьев не видно было могил.

Вампир, шедший впереди нашего разыскного отряда, неожиданно ринулся в самую гущу зарослей глухой крапивы.

– Тут в ограде есть дырка, – сообщил он. – Лезьте.

Мы, разумеется, полезли.

...И по другую сторону ограды кладбище выглядело не лучше. Скорее, наоборот.

– Мерзость запустения! – высказалась моя многознающая дочь, выдирая репы из челки.

– Не кидайся цитатами, – привычно одернула я ее.

Авдей посмотрел на нас с сожалением:

– Вы и здесь будете ссориться? Другого времени и места не нашли?

Вампир Кадушкин, опередивший нас на десяток шагов, терпеливо ждал, опершись о покосившийся гранитный обелиск.

– Нам туда, – указал он в сторону непроходимой чащобы из деревьев и могильных оградок.

За те полчаса, что мы угробили на блуждание по упомянутой чащобе, я натерла ногу, Авдей потерял запонку (золотую, с монограммой), а Дашка утратила весь свой бойцовский пыл и пугливо жалась ко мне при каждом шорохе. Мне был понятен ее страх. Солнечный день сменился каким-то серым, тоскливым сумраком, на лица нам липла паутина, и вдобавок ко всему становилось зябко. Один Кадушкин шагал впереди как ни в чем не бывало. Вампиры – они к кладбищенской экзотике привычные.

Однако когда перед нами неровной глыбой черного мрамора воздвигся склеп, я поняла, что ирония моя неуместна.

Каменные ангелы укоризненно смотрели на нас, дерзнувших нарушить забвение мрачного места.

– Вот! – шепотом воскликнула Дашка. – Я все таким и увидела! И герб висит...

– Это герб нашего рода, – спокойно сказал вампир. – И это наш фамильный склеп.

И прежде чем я успела как-то озвучить полученное сообщение, он потянул на себя тяжелую дверь склепа и скрылся внутри.

...Там действительно стоял гроб. Громадный, занимающий почти все пространство склепа.

Я на негнущихся ногах подошла к этому чудищу. А что, если Дашкин сон сбылся и моя вторая дочь – там?! Под тяжелой, напоминающей чугунную плиту, крышкой... И с тех пор прошло два дня.

Я застонала и что было силы ударила руками о высокую крышку.

Та на удивление легко отъехала, словно была прикреплена на шарнирах.

В гробу, на замурзанном розовом матрасике в белый горошек, подложив обе ладошки под щеку и свернувшись калачиком, сладко спала Машка. От ее ровного дыхания колыхалось вылезшее из матрасика белое пушистое перышко. Перышками же был усыпан и дочкин стильный сарафан, привезенный дедом Баронетом из командировки в Непал... Перышки меня добибли окончательно.

– Этого не может быть! – возопила я. – Машенька, девочка моя!

От моего вопля содрогнулись стены склепа и где-то вдалеке подняли истерический шум грачи. Маша села в гробу, как гоголевская панночка, протерла глаза и, увидев нас, сказала:

– Вот блин!

Потом осмотрелась получше и явно удивилась и гробу, и склепу.

– Куда это меня занесло? – присвистнула дочурка.

– Спокойно, Маша, – тоном психиатра сказала я (пришлось срочно принять деловой вид). – Это мы. Ты в фамильном склепе вампиров Кадушкиных. Вон, кстати, твой приятель стоит, клыки скалит. Аккуратно вылезай из гроба (Авдей, помоги) и покажи мне свою шею.

Машка вылезла и с явной неохотой продемонстрировала мне шею.

– Я уже не маленькая, – буркнула она. – Умываюсь по утрам.

Я пристально обследовала шею. Никаких намеков на укусы.

– Марья, посмотри мне в глаза.

Дочь подчинилась.

И глаза как глаза – обычные, человеческие.

– Машка! – Я обняла ее и слегка шлепнула пониже спины. – Как ты нас всех напугала! За каким псом тебя сюда понесло, а?!

– Откуда я знаю! Понесло, и все! – воскликнула Марья и, высвободившись из моих объятий, кинулась к вампиру:

– Ромка, это правда ваш склеп? Здорово! Я так классно отоспалась, никто не мешал! Ты не сердись, что я не пришла на свиданку?

Вампир смотрел на Машу в явном замешательстве. Кажется, он тоже не ожидал от нее подобного поведения.

– Со мной она даже не поздоровалась! – горестно констатировал Авдей. – Вампир ей дороже родного отца!

– Да уж, выросла дочка, – в тон ему подпела я. – Заженихалась. Приданое собирать пора.

– А на фига ей приданое! – подключилась Дашка. – Склеп есть, гроб есть. Что еще для счастья надо... С милым рай и в гробу.

Вампир залился краской и отскочил от Маши. Засмутился бедный мальчик. Ничего. Я еще этого мальчика порасспрошу. И как моя дочь в гробу оказалась – тоже.

– Марья, домой! – сурово приказал Авдей. – А то и в самом деле раньше времени замуж выскочишь.

– И чтоб больше на это кладбище ни ногой! – погрозила я пальцем. – Ну, господин Кадушкин, извольте вывести нас обратно.

Хорошо, что такси, привезшее нас в это жуткое место, дождалось у обочины.

– С вас еще сто баксов за сложность маршрута и ожидание, – мрачно сообщил шофер. – Иначе обратно пешком пойдете.

– Будет тебе сто баксов, командир, – чересчур ласково улыбнулась я. – Ты только вези.

Авдей усадил девчонок в машину (Машу – почти силой), а я задержалась на минутку – приватно сказать несколько слов вампиру.

– Роман... *Если бы не ты*, мы бы не нашли Марью. За это я тебе благодарна. И *если бы ты не очаровал* (а ты ведь очаровал?) мою дочь, она бы не попала на это кладбище. Я

пока не знаю, друг ты нашей семье или наоборот. Но я хочу, чтобы ты запомнил: ведьмы не дают в обиду своих близких. И да будет тебе известно, что ведьмы, как, впрочем, и вампиры, очень корпоративные существа. И у каждого своя корпоративная вечеринка. Надеюсь, ты все понял.

Я села в машину. Роман, за все время моей отповеди не произнесший ни слова, стоял на пыльной дороге, опустив голову.

- Пацан, садись, долго мне тебя ждать?! – высунулся из окошка шофер.
- Езжайте, – махнул рукой вампир. – Я своим ходом.
- Рома! – обиженно пискнула Машка.
- Все замечательно, – сказала я. – Поезжайте, пожалуйста.

...Я иногда жалею, что у моего супруга в брюки продет ремень из слишком мягкой кожи.

Потому что кое-кому не помешала бы приличная порка!

Устраивать родителям истерику! В пятнадцать-то лет! Из-за мальчишки!

– Я в твои годы еще в бумажные куколки играла! – гремела я на лиловую от злости и слез Машку. – А ты с вампирами романы крутишь! Романы... тьфу!

Дарье тоже досталось.

– Вместо того чтобы делами заниматься, читаешь всякую чепуху целыми днями!

– А что же мне, папины романы читать, что ли! – неосмотрительно вякнула Дарья, и тут взорвался папа-писатель, оскорбленный в лучших чувствах:

– Вы эгоистки! Лентяйки! Привыкли жить без проблем, все мы за вас делаем! Хоть бы картошку чистить научились!

– У нас на кухне комбайн стоит.

– Ах, какие у нас умные дети, Авдей! Они умеют нажимать на кнопки и дерзить родителям! Я таки прихожу в восторг от таких детей, как сказал бы боссман Бецман!

Дочери выпучили на меня глаза:

– Кто?!

И тут я разревелась:

– Вы негодные девчонки! Сколько времени прошло, как мы приехали, а вы еще ни разу не спросили у нас, где же ваш младший брат!

Дочери помолчали, а потом Марья выдала:

– А разве он не приехал? То-то я чувствую, воздух в квартире стал посвежее...

– Как ты смеешь говорить такие гадости!

...В отличие от Машки Дарья была сообразительней. И она сообразила, что совершила тактическую ошибку, разгневав папу. И это чревато последствиями вроде запрета на пользование нашей библиотекой и персональным сайтом. Поэтому Дарья принялась подлизываться.

– А правда, – сказала она. – Где вы Яську оставили?

Этот вопрос несколько разрядил атмосферу. Даже пара шаровых молний, спорадически возникших как зримое свидетельство моего гнева, растворилась в воздухе без вреда для окружающих.

– Пойду приготовлю чай, – заявила я. – Авдей, расскажи все сам. А то у меня нервы уже не выдерживают. Пора валерьянку пить. Причем литрами.

На кухне я запустила тостер, достала из холодильника джем (это же надо, сожрать за время нашего отсутствия восемь банок из десяти! А потом на прыщи жалуются). Под тихое сопение чайника я прислушивалась к голосу Авдея, повествующего о приключениях нашего капитана Славки. Девочки реплик не подавали. Или не верили (что вряд ли), или им это было до фонаря (что похоже на правду).

Нет, в самом деле, кого мы вырастили?!

С этим мысленным риторическим вопросом я насыпала в плетеную корзинку арахис в шоколаде, поставила тосты и крикнула:

– Чай готов!

Муж отконвоировал дочек в кухню. Они расселись за столом и принялись разглядывать узоры на чашках, то есть молчаливо игнорировать мои гневные взгляды.

– Вика, сделай мне кофе, – попросил Авдей. – Пойду принесу коньяк.

Маша при этих словах подняла голову и проводила отца взглядом карманного воришки, схваченного на месте преступления. Я перехватила этот взгляд и очень выразительно посмотрела на дочь.

Авдей вернулся, продемонстрировав мне бутылку с жалкими остатками «Арарата» на донышке. Когда мы уезжали в Одессу, бутылка была едва початой...

– Так, – тяжело сказал муж, ставя бутылку на стол, – вы у нас еще и пьете. Доченьки.

– Пап, тебе жалко, что ли?! У тебя этих бутылок целый шкаф! – слезливо воскликнула Марья. – У меня было шоковое состояние после того нападения на танцах, вот я и выпила... немножко.

– Немножко?! – Авдей гневно измерил взглядом примерное количество выпитого. – Такая доза коня свалит!

Я успокаивающе погладила мужа по плечу:

– Пей кофе, я разберусь.

– Ты, Марья, глупости говоришь, – обратилась я к дочери. – Во-первых, ничего нам для вас не жалко. Ни коньяку, ни алмазов в каменных пещерах. Ты, между прочим, на Новый год сломала замочек на моем новом рубиновом колье, но я молчу. Просто нам, как родителям, обидно такое отношение. Мы для вас не авторитет. Слушать наши воспитательные речи вам скучно и грустно. Вы считаете себя крутыми, самостоятельными и более продвинутыми, чем мы, негодные шнурки. Вы уже начали пить коньяк, целоваться с мальчиками и гулять в подозрительных местах...

– Ко мне это не относится! – гордо высказалась Дарья и закашлялась, подавившись тостом.

Я похлопала ее по спине, чтоб перестала кашлять, и продолжила:

– Чем бы вы ни занимались, получается так, что мы вам мешаем. В принципе это нормально, дети всегда стремились вырваться из-под родительской опеки.

– У Вовенарга написано... – встряла Дарья.

– Не знаю, что там писал Вовенарг. Но как мать, я заявляю следующее: хотите настоящей самостоятельности – живите отдельно и на собственные средства.

– Это как? – оживилась было Марья, но сникла, услышав мои комментарии, которые не нужно приводить в тексте, поскольку любому родителю, вставшему на тернистый путь воспитания непослушного чада, они известны.

– Вот видите, – со змеиной улыбкой поглядела я на дочерей, испуганных перспективой нищеты, бездомности, голода, холода, рабства у сутенеров и смерти от наркотиков и СПИДа. – Как вам, оказывается, легко изображать самостоятельность за нашими плечами, и как вы боитесь ее на самом деле.

– Это волюнтаризм, – прошептала Дарья, избегая встречаться со мной взглядом.

– Конечно. Дашенька, меня не было дома две недели. Кто-нибудь из вас удосужился перестирать накопившееся в корзине белье? *Ваше* белье? Маму дожидались... Мама-диктатор придет, все перестирывает, уберет, по магазинам побежит, доченькам деликатесы покупать. Чтобы дочки потом ее же и попрекали волюнтаризмом.

– Вика, успокойся, пожалуйста, – тихо подал голос Авдей. – Скандалами ничего хорошего не добьешься.

- Знаю... – Я махнула рукой и принялась пить порядком остывший чай. Фу, гадость.
- Мама и папа, – вдруг встала Маша. – Простите меня. Я больше так не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.